

МОДЕРНИЗАЦИЯ, ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО В ОБРАЗАХ ПРОШЛОГО И БУДУЩЕГО

ГЛАВА 1

Парадигма модернизации, исторические трансформации, региональное развитие

Со времен Томаса Гоббса проблема порядка занимала ключевые позиции в социальном и гуманитарном познании. В XIX в., вследствие осознания грандиозности социальных последствий индустриализации для стран Европы и Северной Америки и фундаментальных отличий последних от традиционных обществ других частей света, к ней прибавилась проблема социального изменения. Изменения, перемены так же присущи обществам, как и тенденции к упорядочиванию и организации социальной жизни. Стабильный порядок и вариативная изменчивость лишь на первый взгляд могут представляться полярными состояниями общества. В действительности, с одной стороны, поддержание порядка, социальной организации требует осуществления множества разноплановых и разномасштабных социальных изменений, призванных обеспечивать ответы на вызовы внешней по отношению к данному порядку среды, а также на энтропийные внутрисредовые процессы. С другой стороны, динамические процессы также могут рассматриваться как предпосылки социальной кристаллизации, становления определенных социальных упорядоченностей, структур, взаимосвязанных целостностей.

Особое внимание исследователей привлекают широкие исторические трансформации (которые, не ограничиваясь количественным приростом каких-либо параметров, приводят к модификации последних, к изменению способов организации общества), составляющие наиболее важные вехи на пути человечества, такие как становление человека, переход от присваивающей к производящей экономике, возникновение ранних цивилизаций, переход от традиционного к современному обществу и др. Подобные трансформации нередко именуются революциями, настолько всеобъемлющ их характер и настолько значимы их последствия для развития человечества. Последняя из названных кардинальных трансформаций получила в науке наименование модернизации.

В современной литературе понятие модернизация употребляется в различных смыслах: для обозначения широкого многовекового перехода от традиционности к современности, от аграрного к индустриальному обществу (хронологически совпадающего с переходом от Средневековья к Новому и Новейшему времени); многовариантного процесса, в ходе которого отстающие догоняют ушедших вперед; для характеристики преобразований, совершенствований, реформ, внедрения инноваций, которые осуществляются в современных уже современных обществах в ответ на новые вызовы; для объяснения усилий развивающихся стран с целью приблизиться к характеристикам наиболее развитых обществ; для описания трансформаций, переживаемых постсоциалистическими странами.

Модернизация в первом, широком, смысле слова, как движение от «традиционности» к «современности» (в той или иной степени включающее в себя и все прочие интерпретации), трактуется исследователями как протяженный, охватывающий несколько столетий всеобъемлющий исторический процесс инновационных мероприятий, обусловленный действием в первую очередь факторов внутреннего происхождения (эндогенных), который, в свою очередь, может быть представлен как совокупность подпроцессов: индустриализации, урбанизации, бюрократизации, профессионализации, рационализации, демократизации, становления современных ценностно-мотивационных механизмов, образовательной и коммуникативной революций. В ходе модернизации аграрные, традиционные общества трансформируются в индустриальные, современные, что связано с развитием передовой индустриальной технологии и политических, культурных, и социальных механизмов, соответствующих поддержке, регулированию и использованию этой технологии¹.

На сегодня можно выделить несколько теоретических интерпретаций модернизации, различных в определении сущности и степени вариативности данного процесса. Согласно подходу, получившему широкое распространение в классических трудах представителей модернизационной парадигмы (его можно определить как *эволюцио-*

¹ См.: Опыт российских модернизаций XVIII–XX века / Под ред. В.В. Алексеева. М., 2000. С. 3–49; *Побережников И.В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2006; *Федотова В.Г.* Хорошее общество. М., 2005.

нистский), акцент делается на эволюционный и прогрессивный характер модернизации, что предполагает всеобщее стадийное движение от примитивных к более сложным, совершенным формам социального бытия в соответствии с универсальными закономерностям преимущественно эндогенного характера. Образно говоря, речь идет об одном движущемся эскалаторе, ступени которого одинаковы, только различные общества едут вверх, стоя на разных ступенях. Такой подход создает предпосылки для сравнения различных вариантов перехода от традиционности к современности, выявления общего и особенного в протекании данных процессов (например, М. Леви, У. Ростоу, Д. Лернер, С. Блэк)². Страновая модель развития в рамках данного подхода оценивается главным образом с точки зрения соответствия некоторому эталону, который обыкновенно воплощается в схеме модернизации стран атлантической цивилизации (Западной Европы и Северной Америки). Диапазон оценок в таком случае располагается между 1) нормальной, либерально-рыночной, модернизацией 2) и различными неудачными отклонениями от эталонного варианта, представляющими тупиковые и имитационные ветви псевдомодернизации.

Следующий подход, получивший многочисленные подтверждения в современных исследованиях, акцентирует внимание на зависимость механизмов модернизации от исторического времени, времени вступления страны в процесс модернизации. Согласно данному подходу, со временем меняются сами механизмы модернизации, сама модернизация подвергается трансформации; subprocesses модернизации протекают иначе, модифицируясь (соответственно, данный подход можно определить как *трансформационистский*). Одним из первых версию трансформационистского подхода разработал американский экономический историк А. Гершенкрон, рассмотревший исторические примеры индустриального роста при отсутствии так называемых необходимых предпосылок, т.е. в условиях незавершенности преобразований аграрного сектора экономики (сохранение архаичной системы землевладения, принудительного труда, низкого уровня развития производительных сил и т.д.), при недо-

² См.: *Rostow W.W. The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge, 1960; Lerner D. The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East. New York, London, 1965; Black C.E. The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N.Y.: Harper Colophon Books, 1975.*

статке преиндустриальных накоплений («первоначального накопления капитала», по терминологии советских историков), как это было в Германии во второй половине XIX в. и в России в конце XIX – начале XX в. Гершенкрон объяснял подобные ситуации при помощи концепции «заменителей» (субститутов), суть которой заключалась в том, что в условиях отсутствия тех или иных предпосылок для индустриального развития их роль переходила к «заменителям» (и модифицируются механизмы модернизации)³.

В современных исследованиях *трансформационистская* концепция модернизации получает дополнительные подтверждения. Так, работа Р. Инглхарта и К. Вельцеля⁴ демонстрирует, каким образом модифицируются со временем механизмы самой модернизации, подчеркивая историческое изменение связи между модернизацией и демократизацией. В классических версиях теории модернизации процесс индустриализации сопрягался с демократизацией. Действительно, модернизация, сопровождаемая рационализацией, секуляризацией, бюрократизацией, кажется, повышает и роль личной независимости, самовыражения, свободы выбора, создавая предпосылки для формирования демократического гуманистического общества, в центре которого находится человек. Однако, как показывают Р. Инглхарт и К. Вельцель, связь между модернизацией и демократизацией не является линейной. На первом – индустриальном – этапе модернизации, отмечают авторы, происходит мобилизация масс, что создает предпосылки для утверждения демократии в ее современном понимании – но одновременно и для установления фашистского или коммунистического строя (переключка с Баррингтоном Муром⁵). Более того, «индустриализация не укрепляет в людях ощущение личной независимости, потому что индустриальные общества организованы на началах дисциплины и регламентации. <...> Жизнь в индустриальном обществе столь же стандартизирована, как и мас-

³ Данная концепция нашла отражение в работе: *Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе*. М., 2015; Также см.: *Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе // Истоки: Экономика в контексте истории и культуры*. М., 2004. С. 420–447.

⁴ *Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития*. М., 2011.

⁵ *Мур-младший Б. Социальные истоки диктатуры и демократии: Роль помещика и крестьянина в создании современного мира*. М., 2016.

совая продукция его заводов. Массовая дисциплина, свойственная индустриальному обществу, манипулирующему армиями наемных рабочих, перемещающихся из казарм-общежитий к конвейерам и обратно, создавала потребность в жестких нормах поведения. <...> Стандартизация жизни по образцу промышленного производства не оставляла места для ценностей самовыражения»⁶. И лишь на постиндустриальном этапе модернизации («общество знания»), по мнению Инглхарта и Вельцеля, общественность все активнее требует демократии – формы правления, обеспечивающей людям максимально широкую свободу выбора собственного жизненного пути⁷. В целом данный подход создает основы для видения модернизации как относительно вариативного процесса, но в рамках одной магистральной линии развития.

Сторонники следующего подхода принципиально стоят на позициях исторического плюрализма, несводимости пространственного многообразия к какому-либо магистральному направлению, настаивая на многовекторности и своеобразии модернизаций, протекавших в различных культурно-цивилизационных контекстах и опиравшихся, соответственно, на различные социокультурные традиции (данный подход можно определить как *плюралистический*). Действительно, исторические и современные успехи целого ряда стран незападной цивилизации (Япония, Китай, Южная Корея, Сингапур и т.д.) свидетельствуют в пользу такого более широкого понимания модернизационного подхода, который должен быть чувствительным к историческому опыту не только стран Западной Европы и Северной Америки, но и других частей света. Включение цивилизационно-культурного измерения позволяет выходить за рамки эволюционистской теоретической конструкции и рассматривать модернизационные модели как результаты воздействия матричных цивилизационных структур на ход и характер развития.

Попытки реинтерпретации модернизационного подхода, лежащие в русле плюралистического, в том числе и мультицивилизационного, видения самого процесса перехода от традиционного к современному обществу предпринимались в последние десятилетия. В первую очередь, здесь следует упомянуть концепцию «множе-

⁶ Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения... С. 49.

⁷ Там же. С. 11–78.

ственных» или «других» модернов, сформулированную одним из разработчиков еще классической версии модернизационной парадигмы Ш. Эйзенштадтом⁸, который попытался в новых условиях подвергнуть критике традиционные теории модернизации середины XX века, рассматривавшие западный («Атлантический») проект модерна в качестве эталона, который неизбежно должен был восторжествовать во всех странах, с опозданием включившихся в мировой модернизационный процесс. По мнению Ш. Эйзенштадта, множественные процессы глобализации в современном мире по существу представляют собой последовательные попытки различных движений и элит в своих терминах переосмыслить, по-своему освоить модерн, переформулировать его дискурс. Причем, такие попытки, подчеркивает Ш. Эйзенштадт, имели место и в более ранний период, в эпоху становления классических наций-государств, когда также существовали разные типы интерпретации модерна, например, по линии дифференциации типов коллективной идентичности или степени аутентичности власти.

К минусам данного подхода относится недостаточная чувствительность к динамическим компонентам, к эстафетности истории. Отчасти данный недостаток можно устранить путем внесения в модель возможности взаимодействий между цивилизационными мирами (в таком случае уже не самодостаточными и не изолированными друг от друга, но взаимодействующими и претерпевающими модификации)⁹. Подобный подход в русле цивилизационной интерпретации намечен в публикациях японского исследователя Ш. Ито¹⁰. По

⁸ Daedalus. Journal of the American Academy of Arts and Sciences. 1998. Vol. 127. № 3: Early Modernities; Daedalus. 2000. Vol. 129. № 1: Multiple Modernities; Eisenstadt S.N. European Civilization in a Comparative Perspective. Oslo: Norwegian Univer. Press, 1987; Reflections on Multiple Modernities. European, Chinese and Other Interpretations / Ed. Dominic Sachsenmaier, Jens Riedel, Shmuel N. Eisenstadt. Boston: Brill, 2002; *Эйзенштадт Ш., Шлюхтер*. В. Пути к различным вариантам ранней современности: сравнительный обзор // Прогнозис. 2007. № 2 (10). С. 212–226.

⁹ См.: *Побережников И.В.* Диффузия, цивилизация, модернизация: теоретические аспекты // Диффузия европейских инноваций в Российской империи: материалы Всероссийской научной конференции, 10–11 ноября 2009 г. / отв. ред. д.и.н. Е.В. Алексеева. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН; Банк культурной информации, 2009. С. 26–28.

¹⁰ *Ито Ш.* Схема для сравнительного исследования цивилизаций // Время мира. Альманах. Вып. 2: Структуры истории. Новосибирск, 2001. С. 345–354.

мнению последнего, представление об изолированном развитии цивилизаций является мифом. Напротив, настаивает ученый, многие цивилизации развивались, оказывая влияние друг на друга. При этом внутренние ритмы цивилизаций подвергались трансформациям под воздействием других цивилизаций. Соответственно, классический цивилизационный подход, который фокусировал внимание исследователей только на внутренние факторы и предлагал видение цивилизационного развития как изолированного, не приемлющего внешних воздействий, явно противоречит реальности, которая демонстрирует постоянное включение внешних импульсов в обеспечение цивилизационной динамики, а также наличие целого перечня трансформаций глобального масштаба, оказавших воздействие буквально на все цивилизационно-культурные массивы («революций», по терминологии автора). Эти трансформации, по мнению Ш. Ито, должны осуществиться во всех культурных регионах, ранее или позднее, как первичные или вторичные (т.е., как «органические», обусловленные действием эндогенных факторов, или же как «системные», проходящие под воздействием внешних эффектов). В качестве одной из «великих революций» в цивилизационной истории человечества стала научная революция, привнесенная в мир западноевропейским регионом (регионом-пионером в данном случае) в XVII в. Продолжением научной революции во второй половине XVIII в. стала промышленная революция (Великобритания как регион-первопроходец), способствовавшая образованию современного индустриального общества, и информационная революция во второй половине XX в.

Поскольку в рамках данной теоретической конструкции модернизация (как любая «глобальная трансформация») совершается в процессе взаимодействий (своеобразных сплетений, фигураций) между культурно-историческими массивами, сопровождающихся диффузией идей, технологий, организационных моделей, то такую трактовку, по отдаленной аналогии с фигурационной социологией процессов Н. Элиаса¹¹, можно назвать *фигурационной*. В рамках

¹¹ См.: Элиас Н. Общество индивидов. М., 2001; *Он же*. О процессе цивилизации. М.; СПб., 2001. Т. 1–2; *Он же*. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с введением: Социология и история. М., 2002; также см.: Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996. С. 261–262; Ритцер Дж. Современные социологические теории. СПб., 2002. С. 432–445.

данного подхода взаимодействие между своеобразными цивилизационными мирами (но не самодостаточными и не изолированными друг от друга) создает зону универсальной истории, где действует историческая преемственность, эстафетность, исторический прогресс. Наряду с зоной «всемирной истории» сохраняется сфера цивилизационных идентичностей, внутренних ритмов, структурной и содержательной уникальности, неизменности внутреннего опыта цивилизационных массивов.

Эффективность предлагаемого модернизационного подхода обусловлена его многомерностью, чувствительностью как к эндогенным факторам и механизмам, так и к экзогенным. Данный подход учитывает: 1) действие механизма структурно-функциональной дифференциации, обоснованного Э. Дюркгеймом, Т. Парсонсом, Н. Смелзером, что находит выражение в процессах индустриализации, урбанизации, бюрократизации, образовательной революции, формирования гражданского общества и т.д.; 2) воздействие институтов, созданных предшествующими поколениями, на дальнейший ход развития (траекторная зависимость или зависимость от предшествующего маршрута развития («эффект колеи»), программирующая в действительности разновекторный характер страновых вариантов модернизаций); 3) социальные конфигурации, которые складываются между социальными силами, классами, стратами, определяют лидерство – и оказывают существенное влияние на выбор тех или иных инструментов преобразований, в частности, реформистских или революционных; 4) роль диффузии, то есть механизма распространения инноваций, в том числе их импорта в определенное общество извне, как важнейшего механизма модернизации и одновременно дифференцирующего фактора (с одной стороны, вроде бы диффузия способствует конвергенции, страновой гомогенизации; с другой же стороны, обеспечивая трансплантацию экзоинноваций на различные социоисторические ландшафты, она усиливает пестроту модернизирующихся обществ).

Рождение и эволюция модернизационной парадигмы

Процесс развития естественных наук, согласно концепции Т. Куна¹², имеет неравномерный, прерывный, революционный характер, включает чередующиеся фазы равновесия (рутинной «нормальной» науки) и «научных революций», т.е. смены парадигм (принятых науч-

¹² Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.

ным сообществом моделей вывода знания). Смена парадигм возможна и в социальных науках, в том числе в исторической науке. Вероятно, именно такая смена парадигм имела место в середине XX в. при переходе от традиционной, преимущественно политической событийной ранкеанской историографии к «новой» исторической науке, ориентированной на структуральное и многоаспектное видение прошлого¹³.

Однако в целом исследовательское пространство социальных и гуманитарных наук имеет более сложную, по сравнению с естественными, структуру, которую можно описать как ядерно-периферийную. Динамика развития гуманитарного знания постоянно сопровождается миграциями идей, теорий, моделей между эпистемологическим центром и окраинами. Ядро составляют теоретические конструкции, пользующиеся наибольшим доверием научной общественности в данный момент времени. Но со временем доминирующие идеи и учения могут терять своих приверженцев, маргинализироваться, уходить на периферию познавательного пространства, что, однако, отнюдь не означает их бесповоротной и окончательной гибели и не исключает рецидивирующих триумфов в будущем. Возвращение, в обновленном виде, когда-то подвергшихся интенсивной критике и отвергнутых большинством («забытых») научных теорий, подходов – явление обыденное для гуманитарного знания. Подобной динамикой отмечены научные поиски в области макроисторических трансформаций.

Как известно, последние десятилетия XX в. и начало XXI в. в гуманитарном знании, включая историческое, прошли под знаком антропологического поворота, легитимировавшего многогранное изучение индивида в его повседневной, эмоциональной, культурной, интеллектуальной жизни, кросскультурного разнообразия жизненного опыта людей в различных социальных группах, сообществах, культурах¹⁴. Антропологический акцент способствовал миниатюризации методов и масштабов исследования, увлечению локальной историей, микроисторией, историей повседневности, культурной историей.

¹³ *Burke P. Overture: the New History, its Past and its Future // New Perspectives on Historical Writing. Cambridge, 1993. P. 1–23.*

¹⁴ См.: *Ретина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011; Бёрк П. Что такое культуральная история? М., 2015; Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. М.: ИВИ РАН, 2012; Крам М.М. Историческая антропология. СПб., 2010.*

В последнее время, однако, вновь растет интерес, конечно, в обновленном варианте, к «большой» истории, к макроуровневым историческим обобщениям, что является естественным ответом на последствия глобализации, проявляющей себя во многих измерениях, на очевидную недостаточность и односторонность исследований, сфокусированных только на локальный масштаб¹⁵.

Как и почему изменяются общества, является ли процесс социальных изменений неизбежным – эти и многие другие вопросы, связанные с проблематикой социальной динамики, широко обсуждаются специалистами в области социальных и гуманитарных наук. Поскольку само социальное изменение в высшей степени многозначно, многосторонне, ответы на поставленные вопросы могут даваться в рамках различных теоретико-методологических проекций, призванных объяснять характер и направленность изменений.

В XIX в. в русле социологии и антропологии (О. Конт, Г. Спенсер, Э. Дюркгейм, Ф. Тённис, Л.Г. Морган, Э. Тайлор, Г. Мэн, Л.И. Мечников и др.)¹⁶ была сформулирована эволюционистская

¹⁵ См.: Глобальная история: современная проблематика и новые исследовательские подходы / Материалы всероссийской научной конференции с международным участием / под ред. О.В. Воробьевой, З.А. Чеканцевой. М.: ИВИ РАН, 2015; *Иггерс Г., Ван Э.* Глобальная история современной историографии. М., 2012; *Ионов И.Н.* Мировая история в глобальный век: Новое историческое сознание / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 2015.

¹⁶ *Конт О.* Дух позитивной философии. (Слово о положительном мышлении). Ростов н/Д, 2003; *Comte A.* The Progress of Civilization through Three States // Etzioni A. and Etzioni E. (eds.) Social Change: Sources, Patterns, and Consequences. New York: Basic Books, 1973. P. 14–19; *Спенсер Г.* Изучение социологии. Воспитание умственное, нравственное и физическое. Мн., 2006; *Он же.* Опыт научные, политические и философские. Мн., 1998; *Spencer H.* The Evolution of Societies // Etzioni A. and Etzioni E. (eds.) Social Change. P. 9–13; *Тённис Ф.* Общность и общество. Основные понятия чистой социологии. СПб., 2002; *Дюркгейм Э.* Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995; *Он же.* О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991; *Морган Л.Г.* Древнее общество, или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1934; *Он же.* Лига ходеносауни, или ирокезов. М., 1983; *Тайлор Э.Б.* Первобытная культура. М., 1989; *Мечников Л.* Цивилизации и великие исторические реки. Статьи. М., 1995. См. также: *Аверкиева Ю.П.* История теоретической мысли в американской этнографии. М., 1979; *Остинова Е.В.* Социология Эмиля Дюркгейма. СПб., 2001; *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996. С. 135–169; *Гофман А.Б.* Классическое и современное: Эподы по истории и теории социологии. М., 2003.

концепция социальных изменений (классический эволюционизм), в основе которой лежали: убеждение в детерминистической предопределенности социальной эволюции (неизбежное и непрерывное развитие человеческого общества обусловлено естественными механизмами) и в наличии в истории человечества единой формы, логики, которую можно распознать, чтобы затем объяснить с ее помощью сам исторический процесс; фокусировка анализа на изменения общества в целом, которое представлялось как тесно интегрированная система компонентов и подсистем, каждая из которых вносит свой вклад в воспроизводство социального организма, обеспечение его целостности и непрерывности существования; трактовка изменений как постоянного, необратимого и векторного процесса, ведущего от примитивных к развитым формам, от простых к сложным состояниям, от гомогенности к гетерогенности, от хаоса к организации, от энтропии к негэнтропии; понимание эволюции как постепенного, непрерывного, прогрессивного, кумулятивного, имманентного, раскрывающего внутренние потенции общества, гладкого (без радикальных провалов или ускорений) и линейного процесса, следующего по единому, заранее установленному маршруту, который, в свою очередь, может быть расчленен на последовательные обязательные стадии, или фазы. Образно говоря, речь шла об одном движущемся эскалаторе, ступени которого одинаковы, только различные общества едут вверх, стоя на разных ступенях.

Классический эволюционизм соответствовал оптимистическому настрою эпохи становления индустриального общества. Однако, эпоха мировых войн первой половины XX столетия, катастрофических по своим последствиям для человечества, раскола мира на две социальные системы, массовизации общества, роста тоталитаризма подорвала прежнюю веру в безграничный и безусловный прогресс человечества и заставила пересмотреть ранние эволюционистские представления. Под влиянием интенсивной критики со стороны приверженцев диффузионизма, теорий локальных цивилизаций, практикующих историков наивный эволюционизм растерял своих сторонников и превратился в маргинальное теоретическое течение.

Лишь в послевоенный период произошло его возрождение в модифицированной форме неэволюционизма, связанное вновь преимущественно с усилиями антропологов, игравших теперь ключевую роль (Л. Уйат, Дж. Стюард, М. Салинз, Э. Сервис, Р. Карнейро,

Х.Дж.М. Классен и др.)¹⁷, и социологов (Джерард Ленски, Джин Ленски, Т. Парсонс)¹⁸. Обновленный эволюционизм заметно отличался от своего предшественника: на смену детерминизму пришло представление о вероятностном влиянии более ранних фаз эволюции на более поздние; произошло смещение фокуса научных интересов с эволюции человечества в целом к процессам в рамках отдельных культур, сообществ; большее внимание стало уделяться роли людей и их осознанных действий в историческом процессе; произошел пересмотр прежнего представления о линейном характере эволюции, в частности, за счет использования идей многолинейной (Дж. Стюард), общей и частной эволюции (Э. Сервис) или альтернативных сценариев развития (Г. и Дж. Ленски). Что касается направленности изменений, то неозволюционизм отдает предпочтение безоценочным тезисам о росте социальной интеграции, адаптивных возможностей или степени дифференцированности и комплексности общественной организации. Неозволюционизм остается сегодня функционирующей теорией, продолжающей развиваться, популярной среди антропологов, т.е. специалистов, занимающихся архаичными обществами.

В то время, когда неозволюционизм уже приобрел зрелую форму, произошло рождение модернизационной парадигмы. Последняя была сформулирована в середине XX в. в условиях распада европей-

¹⁷ Уайт Л. Избранное: Эволюция культуры. М., 2004; *Он же*. Избранное: Наука о культуре. М., 2004; *Он же*. Понятие культуры // Антология исследований культуры. СПб., 1997. Т. 1: Интерпретация культуры. С. 17–48; *Он же*. Концепция эволюции в культурной антропологии // Там же. С. 536–558; *Он же*. История, эволюционизм и функционализм как три типа интерпретации культуры // там же. С. 559–590; Steward J.H. Evolution and Progress // Anthropology Today / Ed. by A.L. Kroeber. Chicago: University of Chicago Press, 1953. P. 313–326; *Idem*. A Neo-Evolutionist Approach // Etzioni A. and Etzioni E. (eds.) Social Change. P. 131–139; *Idem*. Theory of Culture Change: The Methodology of Multilinear Evolution. Urbana: University of Illinois Press, 1955; Салинз М. Экономика каменного века. М., 1999; Классен Х.Дж.М. Эволюционизм в развитии // История и современность. История и современность. 2005. № 2, сентябрь. С. 3–22; *Он же*. Эволюционизм в развитии // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: Сб. ст. / под ред. Л.Е. Гришина, Д.М. Бондаренко, Н.Н. Крадина, А.В. Коротаева. Волгоград, 2006. С. 37–52; Карнейро Р.Л. Теория происхождения государства // Там же. С. 55–70; *Он же*. Культурный процесс // Антология исследований культуры. С. 421–438; Коротаев А.В. Социальная эволюция: факторы, закономерности, тенденции. М., 2003.

¹⁸ Lenski G., Lenski J. Human Societies: An Introduction to Macrosociology. N.Y., 1974; Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998.

ских колониальных империй и появления «молодых наций» в Азии и Африке, вставших перед проблемой выбора путей дальнейшего развития. Программа модернизации (ускорения перехода от традиционности к современности) была предложена учеными и политиками США и Западной Европы странам Третьего мира в качестве альтернативы коммунистической ориентации. Во второй половине 1950 – начале 1960-х гг. различные аналитические течения и теоретические традиции объединились в единую междисциплинарную компаративную перспективу (теория, или точнее – теории, модернизации), которая казалась особенно полезной для обеспечения толчка в развитии стран Третьего мира¹⁹. В дальнейшем, на протяжении второй половины XX в., в рамках модернизационной перспективы был накоплен значительный теоретико-методологический и эмпирический опыт изучения различных аспектов, в том числе исторических, перехода от традиционного к современному, индустриальному обществу.

В целом модернизационной парадигме 1950–1960-х гг., которую можно назвать классической²⁰, было присуще фокусирование исследовательского интереса на проблематику развития, факторов и механизмов перехода от традиционности к современности; проведение анализа преимущественно на страновом, национальном уровне; использование в качестве ключевых понятий традиция и современность, оперирование эндогенными переменными, такими как социальные институты и культурные ценности; положительная оценка самого процесса модернизации как прогрессивного и перспективного, существенно расширяющего потенциал человеческих возможностей.

В рамках созданной модели процесс модернизации рассматривался как всеобъемлющий, связанный с «революционными» по значимости, радикальными трансформациями моделей человеческого

¹⁹ *Lerner D.* The Passing of Traditional Society: Modernizing the Middle East. New York, London, 1965; *Apter D.E.* The Politics of Modernization. University of Chicago Press, 1965; *Levy M.J.* Modernization and the Structure of Societies. Princeton, 1966; *Eisenstadt S.N.* Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1966; *Rostow W.W.* The Stages of Economic Growth. A Non-Communist Manifesto. Cambridge, 1960; *Idem.* Politics and the Stages of Growth. Cambridge, 1971; *Bellah R.N.* Religion and Progress in Modern Asia. N.Y., 1965; *Black C.E.* The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History. N.Y.: Harper Colophon Books, 1975.

²⁰ См.: *So A.Y.* Social Change and Development: Modernization, Dependency, and World-System Theories. Newbury Park, 1990. P. 17–59.

существования и деятельности²¹. Модернизации присваивался признак комплексности, что означало несводимость ее к какому-либо одному измерению. Сторонники классической версии теории модернизации признавали, что переход от традиционности к современности вызывает изменения практически во всех областях человеческой мысли и поведения, порождая процессы структурно-функциональной дифференциации, индустриализации, урбанизации, коммерциализации, социальной мобилизации, секуляризации, национальной идентификации, распространения средств массовой информации, грамотности и образования, становления современных политических институтов, рост политического участия. В рамках данного подхода модернизация рассматривалась как системный имманентный процесс, интегрировавший в связное целое факторы и атрибуты модернизации. Модернизация характеризовалась как глобальный процесс, который обеспечивается как распространением современных идей, институтов и технологий из европейского центра по всему миру, так и эндогенным развитием неевропейских сообществ. Процесс модернизации изображался как линейный; соответственно, все общества можно было распределить вдоль оси, идущей от традиционности к современности (в связи с этим данную модель можно трактовать как линейную). Представители классической версии рассматривали процесс модернизации как эволюционный, протяженный по скорости осуществления «революционных» изменений. Предполагалась стадильность модернизации, которая должна была осуществляться в рамках определенных стадий или фаз. В контексте классической модели модернизация рисовалась как необратимый и прогрессивный процесс унификации, постепенной конвергенции обществ. Таким образом, классическая теоретическая схема требовала рассмотрения модернизации как единого универсального восхождения обществ от недостаточной развитости (традиционности) к современности и развитости согласно универсальным закономерностям эндогенного характера (метафора эскалатора способствует пониманию смысла данного подхода также хорошо, как и классического эволюционизма).

²¹ Характеристика классической версии теории модернизации дана в статье С. Хантингтона: *Huntington S.P. The Change to Change: Modernization, Development, and Politics // Comparative Modernization: A Reader / Ed. by C.E. Black. New York, London, 1976. P. 30–31.*

Как это ни парадоксально, но классическая модернизационная парадигма действительно опиралась на эволюционизм XIX в., наряду с функционализмом (в парсонсианской структуралистской модификации середины XX в.)²², а не на синхронные неэволюционистские разработки, в рамках которых уже произошел отказ от ряда дискредитировавших себя теоретических постулатов и было предложено более гибкое и историчное видение социальной реальности.

Вероятно, это можно объяснить тем, что, во-первых, группы исследователей, разрабатывавших неэволюционистские и модернистские подходы, не совпадали по составу; во-вторых, различными были объекты их анализа (преимущественно примитивные ранние общества, а также исторические общества, в первом случае и первоначально в основном современные общества Третьего мира – во втором); в-третьих, различались интенции представителей указанных подходов (фундаментально-теоретические в первом случае и первоначально политико-прагматические – во втором; необходимо отметить, что прагматизм был присущ в полной мере и начальному классическому эволюционизму – стоит вспомнить, например, О. Конта).

Конечно, имелись определенные различия между эволюционизмом и модернизационными штудиями классического периода. Формат последних был более узким (лишь переход от традиционности к современности) по сравнению с форматом эволюционистского подхода (вся история человечества). Если фокус эволюционизма был направлен на человеческое сообщество в целом, то модернистские исследования выполнялись преимущественно на национально-страновом уровне. Однако наличие параллелей между указанными подходами обнаруживается без труда. И в том, и в другом случаях процесс развития трактовался как прогрессивный, постепенный, пошажный, непрерывный, имманентный, унифицированный, стадийный.

В основе модернизационной схемы лежал дихотомический принцип радикального противопоставления традиционного («агркультурного») и современного («индустриального») обществ, детально разработанный в рамках эволюционного подхода XIX века

²² См.: Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Теоретическая социология: Антология: В 2 ч. М., 2002. Ч. 2. С. 3–43; *Он же*. О структуре социального действия. М., 2000; *Он же*. О социальных системах. М., 2002; также см.: Гоулднер А.У. Наступающий кризис западной социологии. СПб., 2003. С. 172–193, 201–390.

(Г. Спенсер, Ф. Тённис, Э. Дюркгейм, Г. Мэн). В рамках модернизационной теории параметры традиционного и современного общества характеризовались как диаметрально противоположные (например, Ф. Саттон, М. Леви)²³. Предполагалось, что в процессе модернизации должен произойти полный демонтаж традиционного общества, перестройка его институциональных и социокультурных основ.

Подобный дихотомический подход формировал крайне пессимистический взгляд на перспективы использования интегративных механизмов, существовавших в традиционном обществе, в контексте модернизации. Традиционные институты и ценности рассматривались в качестве барьеров, которые в ходе модернизации должны подвергнуться эрозии, трансформации. Проблема барьеров модернизации получила широкую разработку в литературе. Возможно, наиболее детальную инвентаризацию препятствий переменам в социальном, культурном и психологическом аспектах предпринял американский социолог Джордж М. Фостер. Последний выделял *социальные* (групповая солидарность: взаимные обязанности в рамках семьи, фиктивное родство, дружественные связи, малые группы, общественное мнение, клановые разборки, статусные интересы; устоявшиеся местные авторитеты: семейные, политические, неординарных личностей; кастовые и классовые барьеры и т.д.), *культурные* (ценности и ориентации: традиции, фатализм, культурный этноцентризм, чувства гордости и достоинства, нормы скромности, локальные ценности; структура культуры: логическая несовместимость культурных характеристик и непредвиденные последствия планируемых инноваций; моторные образцы и привычные телесные позиции) и *психологические* барьеры, относимые к категории межкультурного восприятия (восприятие характера власти, отношение к подаркам, дифференциации ролей и т.д.; коммуникативные трудности: языковые, демонстрируемые предупреждения об опасности и т.д.; проблемы переобучения и т.д.)²⁴.

²³ Sutton F.X. Social Theory and Comparative Politics // Comparative Politics: A Reader / Ed. by H. Eckstein and D. Apter. New York, 1963. P. 67; *Idem*. Analyzing Social Systems // Finkle J.L., Gable R.W. (eds.). Political Development and Social Change. N.Y., London, Sydney, 1966. P. 24–25; Levy M.J. Social Patterns (Structures) and Problems of Modernization // Moore W. and Cook R.M. (eds.) Readings on Social Change. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall, 1967. P. 196–201.

²⁴ См.: Foster G.M. Traditional cultures: and the impact of technological change. N.Y.; L., 1962; Также см.: Пандей Р. Критика западноцентризма в теориях модернизации // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия / Сост.,

Механизм структурно-функциональной дифференциации рассматривался как основополагающий и в эволюционизме (Г. Спенсер, Э. Дюркгейм), и в модернизационной парадигме (Н. Смелзер, развивший предложенную Т. Парсонсом модель социальной дифференциации)²⁵. Обоим подходам было присуще системно-структурно-функционалистское видение общества, в основе чего лежала, видимо, органическая метафора, внедренная, в частности, в модернизационную парадигму через структурный функционализм Т. Парсонса.

Классическая модернизационная перспектива ориентировалась на опыт западной «атлантической» цивилизации и слабо учитывала многообразие цивилизационного опыта за пределами Западной Европы и Северной Америки. К существенным недостаткам данного подхода следует отнести недооценку меняющихся условий международной среды для конкретных обществ, стремящихся модернизироваться. Упрощенным представляется и эволюционистское представление о единой для всех лестнице к высотам современности, исключавшее возможности «параллельного» развития или «неразвития» («недоразвития»).

Сбои в осуществлении модернизационных программ, идеологические факторы, а также изменение политического климата на Западе в конце 1960-х и в начале 1970-х гг. сопровождалось массовой критикой теорий модернизации, которые на некоторое время (в 1970-е гг.) были отодвинуты в тень другими теориями, в частности, теориями зависимости и мир-системным анализом.

Оппоненты обратили внимание на многие ошибочные и некорректные эволюционистские и функционалистские допущения, методологические проблемы и идеологическую тенденциозность модернизационной перспективы: западно-центризм, упрощенчество, наивный эволюционизм, дихотомическое – примитивное – видение проблемы взаимоотношений «традиции» и «modernity», неспособность объяс-

ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасов. М., 1999. С. 469; Vago S. Social Change. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1989. P. 255–277.

²⁵ См.: Smelser N. Toward a Theory of Modernization // Etzioni A. and Etzioni E. (eds.) Social Change: Sources, Patterns, and Consequences. New York: Basic Books, 1973. P. 268–284; *Idem*. The Modernization of Social Relations // Modernization. The Dynamics of Growth. N.Y.; L., 1966. P. 110–121; Parsons T. A Functional Theory of Change // *Ibid*. P. 78–86. Также см.: Побережников И.В. Проблема структурно-функциональной дифференциации в контексте экономической модернизации // Экономическая история. Обзорение. М., 2006. Вып. 12. С. 148–165.

нять реальные социальные сдвиги. Данная критика оказалась полезной для развития и совершенствования модернизационного подхода. Впоследствии его сторонники направили собственные усилия на изживание неприемлемых теоретических посылок, в особенности эволюционного телеологизма и жесткого противопоставления традиционности и современности.

Что касается дальнейшей судьбы модернизационной парадигмы, то она в определенном смысле повторяла (самостоятельно, без особого воздействия со стороны неозволюционизма, и гораздо более быстрыми темпами) путь от эволюционизма к неозволюционизму (для модернизационной парадигмы его аналогом явился неомодернизационный анализ).

Сходство механизмов трансформации обоих теоретических подходов обнаруживается в постепенном дистанцировании от телеологизма, в расширении диапазона учитываемых факторов исторической динамики, в переходе от линейных к многолинейным интерпретациям развития, в акцентуации влияния среды (в эволюционизме-неозволюционизме) или традиции и международного контекста (классическая теория модернизации-неомодернизационный подход), в историзации теоретических моделей. Динамику развития данных подходов можно рассматривать в русле избывания первоначальной односторонности теоретических представлений и движения в сторону более панорамного, контекстного и исторического объяснения процессов социальных изменений.

При этом следует отметить, что некоторые теоретические находки были сделаны еще в период господства классической модернизационной парадигмы: это, например, концепция многовариантного движения к модерну Б. Мура (модернизация под руководством буржуазии в Великобритании, США, под руководством аристократии-дворянства в Германии, Японии, через «крестьянскую» революцию – в России, Китае), идея исторической трансформации самих механизмов модернизации А. Гершенкрона (более поздние догоняющие модернизации используют «заменители» в условиях недостатка органических предпосылок развития)²⁶.

²⁶ Мур-младший Б. Социальные истоки диктатуры и демократии: Роль помещика и крестьянина в создании современного мира. М., 2016; Гершенкрон А. Экономическая отсталость в исторической перспективе. М., 2015; критический обзор концепции А. Гершенкрона содержится в работах: Поткина И.В. Индустри-

Со временем для сторонников модернизационного подхода стала очевидной необходимость учета социокультурного контекста модернизации²⁷, получили признание идеи многовариантного и циклического характера модернизации, влияния на ее результаты международного контекста; в теоретическую модель был включен фактор исторической случайности; на фоне угасания интереса к анонимным законам эволюции возросло внимание к роли социальных акторов, обладающих возможностью трансформировать исторические ситуации; пересмотру подверглось прежнее жесткое представление о системном характере процесса модернизации, на смену которому пришло понимание разновекторного поведения различных социальных сегментов в контексте модернизационного перехода. Все указанные теоретические новации способствовали превращению первоначально односторонней и абстрактной теоретической модели классического периода, не игравшей существенной роли в историко-эмпирических исследованиях, в многомерную и эластичную по отношению к эмпирической реальности научно-исследовательскую программу.

1980-е гг. ознаменовались своеобразным возрождением модернизационной перспективы, которая постепенно дистанцировалась от телеологизма, расширяла диапазон учитываемых факторов исторической динамики, переходила от линейных к многолинейным интерпретациям развития, акцентировала влияние традиции и международного контекста. Динамику развития подхода можно рассматривать в русле избывания первоначальной односторонности теоретических представлений и движения в сторону более панорамного, контекстного и исторического объяснения процессов социальных изменений. В модернизационных исследованиях данного периода произошел переход от однозначно негативного отношения к социокультурной традиции к более гибкой и конструктивистской трактовке роли традиций

альное развитие дореволюционной России: Концепции, проблемы, дискуссии в американской и английской историографии. М., 1994; *Олегина И.Н.* Критика концепций современной американской и английской буржуазной историографии по проблемам индустриализации СССР. Л.: ЛГУ, 1989; а также: *Побережников И.В.* Предпринимательство как фактор модернизации (концепции А. Гершенкрона и Э. Хагена) // Экономическая история России XVII–XX вв.: динамика и институционально-социокультурная среда / Сб. ст. памяти Л.В. Сапоговской. Екатеринбург, 2008. С. 203–212.

²⁷ См.: *Осипова О.А.* Американская социология о традициях в странах Востока. М., 1985.

в ходе модернизационного перехода²⁸. Изменение оценок роли и места традиций в процессе модернизации привело к появлению ряда новых исследовательских тем и к большему вниманию по отношению к традиционным чертам (народные религии, семейственность). Благодаря более внимательному изучению широкого спектра национальных культурных традиций сторонники школы модернизации отказались от одностороннего представления о модернизации как движении в сторону западных институтов и ценностей и пришли к убеждению о возможности собственных оригинальных путей развития.

Произошли и определенные методологические сдвиги. Вместо типологизирования и ведения дискуссий на достаточно высоком уровне абстракции сторонники модернизационного подхода стали проявлять склонность к рассмотрению конкретных ситуаций. Исследования 1980-х гг. отличались большим историзмом. Вместо того, чтобы иллюстрировать теорию конкретными примерами, специалисты использовали теорию для объяснения уникальных конкретных ситуаций. История возвращалась в работы, дабы продемонстрировать специфичность развития в конкретных странах. Нередко углубленные ситуационные исследования дополнялись компаративной перспективой с целью выяснения, например, почему один и тот же институт играет различные роли в разных странах. Стали уделять больше внимания внешним, международным, факторам. Гораздо больше места, чем прежде, стало отводиться феномену конфликтов.

Примером новых модернизационных штудий 1980-х гг. может служить исследование С. Хантингтона, посвященное тенденциям развития демократии в развивающихся странах. В данной работе автор в известном смысле полемизирует с прямолинейными схемами демократизации, распространенными в исследованиях классического периода, в частности, с оптимистической гипотезой Сеймура Липсета²⁹, согласно которой экономическое развитие непосредственно ведет к демократии (причина – экономическое благосостояние; следствие – демократия). Хантингтоном была предложена более сложная концептуальная схема демократизации, опять же структурного характера, которая расширила спектр факторов, приводящих в конце концов к

²⁸ *Gusfield J.R.* Tradition and Modernity: Misplaced Polarities in the Study of Social Change // Etzioni A. and Etzioni E. (eds.). *Social Change: Sources, Patterns, and Consequences*. New York: Basic Books, 1973. P. 333–341.

²⁹ *Lipset S.M.* *Political Man*. N.Y., 1963. P. 27–63.

инсталляции демократических режимов³⁰. В дополнение к экономическому росту, уже присутствовавшему у Липсета, Хантингтон включил в свою модель социально-экономическую структуру, внешнюю среду (таким образом, здесь учитывалось воздействие экзогенных факторов) и культурный контекст.

Новизна подхода С. Хантингтона состояла также в том, что, борясь против социологических автоматизмов и пытаясь преодолеть ряд противоречий между теориями и реальностью (отсутствие демократии там, где она, вроде бы, в силу достигнутых экономических успехов, уже должна была установиться; или, наоборот, демократизации при дефиците предпосылок), он предложил новую концепцию зоны перехода (транзиции, транзита), в которой, по мере экономического развития, традиционным политическим институтам становится все труднее обслуживать новые функциональные потребности, что вынуждает общество делать выбор из множества альтернатив по поводу собственного политического будущего (т.е. экономическое развитие само по себе не в состоянии детерминировать процесс замены традиционных учреждений определенной моделью политической системы, например, демократической; выбор осуществляют люди, в первую очередь, элиты, которые могут демократическому устройству предпочесть деспотический режим, авторитаризм, тоталитарную диктатуру, военную хунту и т.д.).

Разработка современной версии модернизационных исследований (неомодернизационный анализ) связана с именами Э. Тириакияна, П. Штомпки, В. Цапфа, У. Бека, К. Мюллера и др. (вторая половина 1980-х – 2000-е гг.). Теоретическое ядро современной версии модернизации включает следующие положения³¹: а) возможность

³⁰ *Huntington S.* Will More Countries Become Democratic? // *Political Science Quarterly*. 1984. № 99. P. 193–218; *Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX века. М., 2003.

³¹ *Grancelli B.* (ed.). *Social Change and Modernization: Lessons from Eastern Europe*. Berlin; New York: De Gruyter, 1995; *Цапф В.* Теория модернизации и различие путей общественного развития // *Социс*. 1998. № 8. С. 14–26; *Цапф В., Хабих Р., Бульман Т., Делей Я.* Германия: трансформация через объединение // *Социс*. 2002. № 5. С. 19–37; *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000; *Инглегарт Р.* Модернизация и постмодернизация // *Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология* / под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Academia, 1999. С. 261–291; *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996; *Müller K.* “Modernizing” Eastern Europe. Theoretical problems

национальных моделей модернизации, естественно, имеющих местную социокультурную окраску; б) признание конструктивной, положительной роли социокультурной традиции в ходе модернизационного перехода; придание ей статуса дополнительного фактора развития; в) внимание внешним, международным факторам, глобальному контексту; модернизация рассматривается современными исследователями скорее как эндогенно-экзогенный процесс; подобное видение существенно отличается от классического, в рамках которого ученые анализировали преимущественно внутренние переменные, такие как социальные институты и культурные ценности; г) отход от эволюционистского телеологизма; акцентирование внимания не на анонимных законах эволюции, а на роли социальных акторов (коллективов и индивидов), всегда обладающих возможностью обеспечить рост или трансформацию ситуации посредством волевого вмешательства; д) включение в теоретическую модель фактора исторической случайности; признание необходимости рассмотрения трансформационных процессов в рамках конкретной «исторической констелляции»; акцент на пространственно-временной горизонт акторов, в соответствии с которым выстраиваются новые линии развития; е) отказ от трактовки модернизации как единого процесса системной трансформации; признание возможности различного поведения сегментов конкретного общества в условиях модернизации; ж) осознание некорректности интерпретации модернизации как непрерывного процесса; признание необходимости более внимательного отношения к такому аспекту динамики модернизации, как циклическая природа данного процесса.

Итак, классическая и современная версии модернизационного анализа существенно разнятся. Модификация теоретических основ модернизационного подхода способствовала превращению первоначально достаточно односторонней и абстрактной теоретической модели, не игравшей существенной роли в эмпирических исследованиях, в

and political dilemmas // Archives Européennes de Sociologie. 1992. № 1. P. 109–150; Tiryakian E. The Changing Centers of Modernity // Cohen E., Lissak M., Almagor U. (eds.). Comparative Social Dynamics: Essays in Honor of Shmuel N. Eisenstadt. Boulder, CO: Westview Press, 1985. С. 131–147; а также: Федотова В.Г. Хорошее общество. М., 2005. С. 152–226; Побережников И.В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006. С. 68–114.

многомерную и эластичную по отношению к эмпирической реальности. Модернизационная перспектива выжила за счет принесения в жертву серьезных посылок, входивших в состав ее теоретического ядра. К числу наиболее важных особенностей эволюции школы модернизации можно отнести: 1) пересмотр роли и места традиционного социокультурного и институционального контекста модернизации, придание ему большего значения в сравнении с ранними концептуальными схемами; 2) переход от достаточно абстрактного теоретизирования к рассмотрению конкретных ситуаций; 3) рост внимания к конфликтам в процессе модернизации и влиянию на данный процесс внешних (по отношению к изучаемой стране) факторов; 4) инкорпорацию в теоретическую модель фактора исторической случайности; 5) акцент на циклическую природу процесса модернизации.

Пространственно-временные измерения модернизации

Социальные конфигурации не возникают в готовом виде. Формируясь постепенно, они изменяются с течением времени, то медленно, то быстро, то эволюционно, то взрывообразно. Это относится и к их развитию в пространстве. Зарождаясь в определенном месте, социальные конструкции, разрастаясь или сжимаясь, взаимодействуют с другими объектами (системами) в историческом пространстве, становятся взаимосвязанными. Время и пространство, таким образом, выступают в качестве взаимосвязанных измерений развития. Показатель «время» позволяет фиксировать социальные сдвиги. Параметр «пространство» выступает в качестве мерителя территориальной вариации социального развития. В принципе, оба измерения позволяют отражать социальную дифференциацию (временную и пространственную). Вероятно, и время, и пространство следует признать важнейшими измерениями развития, в совокупности образующими систему координат, в которой разворачивается исторический процесс.

Между порядком и изменением в области социальной реальности существует непрерывная диалектическая связь. Сложно дать окончательный ответ на вопрос, что же является первичным, а что вторичным в рамках этой тесно связанной пары категорий. При этом в зависимости от того, какие качества (постоянство, стабильность или изменчивость, вариативность) превалируют в те или иные исторические периоды, последние можно разделять на устойчивые, стабильные (общество, цивилизация, формация, социальный порядок, система и т.д.) и переходные.

Само понятие «переходного периода» довольно позднего происхождения и возникло, по мнению И.М. Савельевой и А.В. Полетаева, как следствие отказа от определения стационарных периодов по событиям и акцентирования внимания на обратный процесс – выделения стационарных периодов, а затем – поиска границы, отделяющей один такой период от другого. Поскольку точная датировка «разрыва» в таком случае оказывалась невозможной, «разрыв» должен был определяться как период³². В середине XIX в. началось обсуждение проблемы переходного этапа, пролежавшего между двумя качественно различными (но внутренне однородными) эпохами истории Запада: Средневековьем и Новым временем. Возможно, первым автором, попытавшимся обозначить переходный этап между Средней и Новой историей, был Жюль Мишле, выделявший в одном из томов своей «Истории Франции» в качестве такого переходного периода эпоху Ренессанса. В исторических исследованиях «разрывы» концептуализируются как динамические переходные периоды, на протяжении которых формируются новые структуры. Зачастую эти периоды идентифицируются как «кризисы».

Переходные эпохи отмечены исторической неустойчивостью, кризисными явлениями, катастрофами, распадом старых и формированием новых социальных связей и порядков³³. Специфика переходных периодов рождает своеобразные проблемы и требует использования специальных подходов для их изучения³⁴.

³² См.: Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. СПб., 2003. Т. 1. С. 501–502.

³³ По мнению М.С. Бобковой, переходный период XVI–XVIII вв., на протяжении которого происходило разрушение традиционного общества, можно определить как «эпоха катастроф», т.е. «временной отрезок, хронологический этап экономического, социального, политического, культурного взрыва, который часто проявляется в этнических, конфессиональных конфликтах, революциях, гражданских и континентальных войнах, являющихся высшим критерием оценки кризисного состояния общества. В результате этого взрыва рождается новый социум, погруженный и детерминированный новыми временными ритмами, иным осмыслением прошлого, фиксируемым в особенностях как индивидуальной, так и коллективной памяти» (См.: Бобкова М.С. Западноевропейское историописание «эпохи катастроф». М., 2008. С. 43).

³⁴ В подготовленном Институтом всеобщей истории РАН сборнике статей «Переходные эпохи в социальном измерении: История и современность» (М.: Наука, 2003) предпринята попытка исследования смены качественных состояний общества (переходных эпох) от древности до современности.

Во-первых, следует учитывать гетерохронность переходного периода. Понятие переходный период применяется ко всему обществу на протяжении какого-то интервала времени, короткого или длительного. Однако общество представляет собой сложный агрегат, имеющий множество измерений и множество уровней, скорость изменений которых может существенно варьироваться. Здесь можно сослаться на концепцию исторических времен, предложенную Ф. Броделем: три уровня, различающихся скоростью происходящих в них изменений: 1) «длительная временная протяженность» (*longue durée*) медленных, почти неподвижных взаимоотношений общества и природы, привычек мыслить и действовать; 2) динамика экономических и социальных структур, скорость изменений которых измеряется десятилетиями и 3) событийная динамика политической истории, измеряемая хронологическими датами³⁵.

Детализация изучаемых объектов позволяет разрабатывать более подробные схемы, включающие большее число уровней и исторических ниш со своими темпоральными механизмами, оказывающими воздействие на динамику переходной эпохи в целом. Так, шведский социолог и культуролог Й. Форнюс полагает, что для рассмотрения процессов модернизации недостаточно двух аналитических полюсов – стабильность *vs* изменения. По его мнению, эпоха модернити не может состоять только из твердых, устойчивых структур или только из быстрых, случайных изменений. Следует различать, по крайней мере, четыре типа различных исторических процессов. Это, во-первых, устойчивые структуры; во-вторых, быстрые, непредсказуемые случайные события; в-третьих, волнообразные периодические циклы, вызываемые, например, регулярными сменами поколений или циклическими кривыми капиталистической экономики, и, наконец, в-четвертых, собственно направленные, векторные процессы модернизации. Все четыре типа сосуществуют в рамках эпохи модерна и все они, по мнению Форнюса, в аналитических целях должны рассматриваться обособленно, хотя очевидно их взаимодействие в реальности³⁶.

³⁵ Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М., 1977. С. 115–142. *Он же*. Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II: В 3 ч. М., 2002, 2003, 2004; *Он же*. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: В 3-х тт. М., 1986, 1988, 1992.

³⁶ *Formäs J.* Cultural Theory and Late Modernity. London, 1995. P. 25.

Во-вторых, в основе созидания исторической ткани переходных периодов лежит полиморфизм как ведущий организационный принцип. Следствием дифференциации темпов изменения социальной материи становится длительное сосуществование разностадиальных, разнотипных, разновекторных социальных механизмов (укладов, анклавов), сегментов, проектов, которые функционируют отнюдь не в вакууме, а в плотном историческом контексте, образуя исторические конstellляции, оказывая друг на друга воздействия, приводящие к обоюдным трансформациям. Проблема здесь состоит, с одной стороны, в том, что механизмы функционирования укладов и анклавов в инородном контексте могут подвергаться коррекции, которая должна стать предметом скрупулезного исторического расшифровывания; с другой стороны, общая динамика переходных периодов не может элементарно подсчитываться путем арифметического суммирования динамик ее составляющих, но требует разработки специальных теоретико-методологических подходов.

В-третьих, в контексте переходной эпохи происходит формирование, «становление» социальных структур, которые поэтому выглядят аморфными, постоянно меняющимися до такой степени, что их основы очень трудно проследить. Именно люди созидают новые структуры, подвергают общество реструктуризации; социальный порядок формируется как коллективный результат индивидуальных выборов и действий – реструктуризация общества в подобной ситуации может рассматриваться как взаимодействие старых коллективных достижений и новых выборов и действий, осуществляемых индивидуальными членами общества. В связи с этим динамизм исторического перехода невозможно сводить лишь к серии реформ, преобразований, проводимых «сверху». История переходного периода должна рассматриваться как арена социальных взаимодействий, делание ее «снизу» людьми, потребности и мотивации которых также подвергаются изменениям, адаптируются к запросам времени и, в то же время, оказывают существенное воздействие на рисунок будущего общества.

Переходный процесс можно представить как сложную систему интеракций между различными субъектами, в том числе социальными, политическими, территориальными, как сложную череду внутренних и внешних импульсов и реакций на них, положительных, отрицательных или нейтральных; как продолжительный континуум, в рамках которого осуществляется взаимодействие между прошлым,

настоящим и будущим, между традицией и новацией, трансформирующее как ту, так и другую. При этом «осовременивание» одной из сфер общественного организма может осуществляться за счет других. Элементы новации и традиции могут принимать самые причудливые конфигурации в контексте конкретного общества, в том числе в моделях образа жизни.

В-четвертых, следует иметь в виду, что динамика переходных периодов детерминирована, помимо факторов внутреннего происхождения, факторами экзогенными. Внешние факторы (системные зависимости, межстрановая конкуренция, демонстрационный эффект, диффузия экзоинноваций) могут ускорять процессы социальной динамики, могут их корректировать, трансформировать, деформировать или блокировать. Системные зависимости возникают в рамках широких социальных систем (в частности, мир-систем, идентифицированных в рамках мир-системного анализа И. Валлерстайна³⁷), имеют структурную, надындивидуальную природу, обеспечивают втягивание в эпоху модернити различных страновых массивов, но на разных основаниях, следствием чего становится возникновение разных вариантов модернизации, в том числе и т.н. «зависимого развития»³⁸, «периферийного капитализма»³⁹ и т.д.

Межстрановая конкуренция сопровождается систематическим включением реальных или потенциальных элит в сопоставление реалий собственного общества с реалиями других обществ с последующим заимствованием экзоинноваций, что ведет в конце концов к

³⁷ Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб., 2001; *Он же*. Миросистемный анализ: Введение. М., 2006; *Он же*. Мир-система Модерна. Т. I: Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI в. М., 2015; Т. II: Меркантилизм и консолидация европейского мира-экономики, 1600–1750. М., 2016.

³⁸ «Зависимое развитие» стало предметом специального изучения в рамках теорий зависимости: Кардозо Ф.Э., Фалетто Э. Зависимость и развитие Латинской Америки. Опыт социологической интерпретации. М., 2002; Шестонал А.В. Миражи Эльдorado в XX веке. Критические очерки буржуазной социологии в Латинской Америке. М., 1974; *Он же*. Леворадикальная социология в Латинской Америке. Критика основных концепций. М., 1981; Посконина Л.С. Латинская Америка: пути и судьбы «мятежной социологии» // Рабочий класс и современный мир. 1983. № 2. С. 186–189; *Она же*. Латинская Америка: критика леворадикальных концепций. М., 1988.

³⁹ См.: Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? М., 1992.

определенной социетальной конвергенции. Общества, выступающие пионерами модернизации, могут полагаться на собственные ресурсы и модели. «Последователи» в этом плане оказываются в более благоприятной ситуации; страны, прошедшие первые этапы модернизации ранее, демонстрируют им положительные и отрицательные стороны тех или иных новаций, позволяя, таким образом, не только воспользоваться этими новациями, но и избежать совершенных ранее ошибок⁴⁰.

В итоге переходный период оказывается сложным процессом, не сводимым к элементарному вымыванию устаревших традиций и замене их позитивными новациями. Вообще он не может быть сведен к механическим перемещениям, приращениям и убываниям. Этот беспокойный период оформляется человеческой деятельностью, рефлексией, которая создает общество путем совмещения множественных процессов различной направленности, частично перекрещивающихся, частично сближающихся, частично расходящихся, поддерживающих или уничтожающих друг друга.

Учитывая указанные особенности переходного периода, можно предложить следующее определение модернизации – это сложный эндогенно-экзогенный направленно-циклический процесс взаимодействия структур и деятельностей, традиций и новаций при переходе от традиционного к современному обществу, в свою очередь, осуществляющийся посредством механизмов и subprocessов (структурной и функциональной дифференциации, рационализации, индустриализации, урбанизации, демографического перехода, бюрократизации, профессионализации, демократизации, становления современных мотивационных систем, образовательной и коммуникативной революций и т.д.), конфигурация и степень проявления которых варьируются в различных цивилизационно-культурных контекстах.

Использование данного определения позволяет идентифицировать модернизацию общую и специфическую (по аналогии с неозво-

⁴⁰ См.: *Побережников И.В.* Диффузионные механизмы как фактор модернизации власти и общества: теоретико-методологические аспекты // Уральский исторический вестник. 2005. № 10–11: Власть и общество в российской провинции. С. 302–314; примером продуктивного применения диффузионного подхода в изучении российских модернизаций стали исследования Е.В. Алексеевой: *Алексеева Е.В.* Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). М., 2007; *Она же.* Европейская культура в имперской России: проникновение, распространение, синтез. Екатеринбург, 2006.

люционистским разведением общей и специфической эволюции⁴¹). Первая носит абстрактный характер и знаменует идеально-теоретическую модель модернизационного процесса. Вторая может применяться для объяснения конкретных способов адаптации к средовым условиям (социокультурным, историческим, географическим). Следствием подобного разведения становится возможность обсуждения проблемы модернизаций (не единой, тотальной, абсолютной модернизации) – временных, цивилизационных, страновых, региональных, протекавших в различные исторические эпохи и в разных пространственных контекстах.

Процессы модернизации можно и следует изучать на разных общественных уровнях, поскольку последние не сводимы элементарно друг к другу, и ни один вывод, касающийся определенной сферы, не может, согласно «закону уровней» З. Кракауэра, автоматически переноситься на более общую сферу. *Системно-мировой уровень*. Наиболее высокий уровень обобщения – мировой, уровень мир-системный (функциональная специализация стран ядра, периферии и полупериферии в рамках капиталистической мир-экономики). Применительно к мировому уровню обсуждение модернизационной проблематики можно начинать, вероятно, со второй половины XV–XVI столетий, когда на волне подъема в рамках очередного «векового» цикла в экономической, политической, духовной сферах ряда стран Западной Европы появляются новые черты: развитие рыночных отношений в сельском хозяйстве, которое начало ориентироваться не только на местные, но и на более отдаленные рынки; расцвет торгового капитализма; становление колониализма как части экономической, политической и общественной жизни; рост народонаселения и интенсификация урбанизации; образование государств современного типа; изменения в образе мышления (индивидуализация веры, критическое восприятие Библии).

Начало модернизации в ряде регионов, стран ознаменовало наступление *модерной эпохи* и постепенное втягивание в мировой модернизационный процесс все большего числа территорий как вслед-

⁴¹ См.: *Побережников И.В.* Эволюционизм, неэволюционизм и модернизационная парадигма // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 20-летию Института истории и археологии УрО РАН. Екатеринбург, 2008. С. 577–581.

ствии эндогенных трансформаций, так и в результате колонизации или вынужденных (экзогенных) модернизаций. Процесс протекал с ускорением – и уже к середине XVII в. капиталистическая мироэкономика утвердилась в Европе, консолидировалась до 1760-х гг., а затем – с конца XVIII по начало XX века, согласно И. Валлерстайну, пережила «вторую эру великой экспансии», «втянув» в себя остальной мир.

При этом наиболее развитые страны продвинутой модернизации стали оказывать трансформирующее/деформирующее воздействие на менее развитые, вследствие чего модернизации последних уже не могли протекать по тем же сценариям, которые были реализованы в первых. Единство развития в контексте системного уровня оказывается своеобразным, поскольку применительно к взаимодействующим территориям функционируют разнонаправленные механизмы, что имеет следствием обратную зависимость между динамиками развития взаимодействующих пространств. Тенденции восходящего развития в одних пространствах вызывают тенденции нисходящего (параллельного, «другого») развития в других. Рост капитализма в странах западного «ядра» вызывает, например, распространение принудительного труда («вторичное закрепощение») в странах Центрально-Восточной Европы (Ф. Бродель, И. Валлерстайн), кризис перенакопления в Западной Европе сопровождается индустриализационным рывком в России на рубеже XIX–XX вв.⁴², деиндустриализация в США в начале 1980-х гг. оборачивается индустриализационным ростом в странах полупериферии⁴³ и т.д.

Естественно, процессы модернизации имели различные последствия для разных стран – положительные для одних, негативные (деформации, ловушки, тупики развития) для других. Итак, можно говорить об эпохе модерна, *modernity* (возможно, с XVI столетия, хотя существуют и более осторожные и ограничительные версии – вплоть до сведения данной эпохи к периоду зрелого индустриального общества XIX века⁴⁴) в целом, имея в виду, что ее характер начинает определять авангард модернизации – вырвавшиеся вперед страны Западной Европы в самом начале, затем – США, сегодня США–Япония–

⁴² Например, см.: *Кагарлицкий Б.* Периферийная империя. Россия и мир-система. М., 2003. С. 360–375.

⁴³ *So A.Y.* Social Change and Development: Modernization, Dependency, and World-System Theories. Newbury Park, 1990. P. 238–242.

⁴⁴ См.: *Федотова В.Г.* Хорошее общество. М., 2005. С. 233.

ЕС. Используя данное понятие, мы должны хорошо понимать, что модернизация изначально носила очаговый характер, лишь со временем втягивая разные общества, до сих пор не завершив процесс тотальной модерной гомогенизации. Это означает, что существовали и существуют общества, подвергшиеся в разной степени модернизации. Далее, это означает, что существовали и существуют общества, испытавшие воздействие модернизации по-разному: включенные в эпоху модерна на разных основаниях. Наконец, это означает, что существовали и до сих пор существуют общества/сегменты обществ, сохранившие домодерные традиционные устои.

Цивилизационный уровень. Модернизационные процессы приобретали различные конфигурации в разных цивилизационно-культурных контекстах. Цивилизации складывались исторически, под влиянием географических условий, в процессе ответов на вызовы экологической и общественной среды, в результате осуществленных когда-то ценностно-культурных выборов и т.д. Сформировавшиеся как преимущественно надстрановые культурно-исторические массивы, занимающие обычно большие территории, цивилизации в определенном смысле выступали в качестве стратегий выживания, самоорганизации человеческого времени-пространства. Фундаментальные базовые (матричные) структуры и ценности, выступающие в качестве каркаса, ядра цивилизаций, обнаруживают завидную, «вневременную» устойчивость, накладывая отпечаток на цивилизационную динамику, включая модернизационную. Поскольку указанные «структуры и ценности» одновременно являются основой культуры, постольку обществоведы, изучающие социальные трансформации, были вынуждены признать, что «культура имеет значение»⁴⁵.

Принято считать, что в качестве таких глубинных структур выступают ментальные установки массового сознания; народный характер; модели взаимоотношений власти и общества; мотивационные механизмы; представления о жизни и смерти, о любви, о человеческом предназначении; природно-климатические условия и т.д.⁴⁶ По

⁴⁵ Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / Под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М., 2002.

⁴⁶ Например, см.: Цивилизации. Вып. 10: Модернизация и цивилизационные вызовы XXI века. М., 2015; История России: Теоретические проблемы. Вып. 1: Российская цивилизация: Опыт исторического и междисциплинарного изучения. М., 2002. С. 136.

сути, речь идет о месторазвитии цивилизации и о ее институциональной системе (причем, скорее, о неформальной части последней).

Неформальные институты (культура, традиции, ценностные установки, стереотипы поведения) являются главной частью институциональной системы, напоминая невидимое основание айсберга. Они склонны к устойчивости, трансформируются очень медленно (путем инкрементальных изменений – «малых приращений»), сопротивляются резким изменениям, переносу чуждых институтов из других обществ или культур. Вследствие этого, линия последующего развития всегда задана всей предшествующей институциональной историей общества. Современная институциональная теория объясняет эффект институциональной преемственности свойством возрастающей отдачи институтов (влияние института на общество возрастает прямо пропорционально длительности существования самого института и количеству людей, деятельность которых ему подчиняется) и сетевыми эффектами (скоординированной взаимосвязанностью существующих, устоявшихся институтов)⁴⁷. Однажды выбранную институциональную траекторию трудно покинуть⁴⁸, следствием чего становится разновекторность цивилизационных маршрутов развития. Каковы наиболее важные измерения неформальной институциональной системы, значимые для выбора цивилизационной траектории модернизации? Похоже, это: 1) степень отождествления с другими членами общества, т.е. радиус доверия или чувство общности; 2) степень ригидности системы морали; 3) стиль и методы отправления власти; 4) отношение к труду, новаторству, сбережениям,

⁴⁷ См.: *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997; *Он же.* Институты и экономический рост: историческое введение // *THESIS*. 1993. Т. 1, № 2. С. 69–91; *Нестеренко А.Н.* Экономика и институциональная теория. М., 2002; *Нуреев Р.М.* Россия: особенности институционального развития. М., 2009; *Он же.* Экономика развития: модели становления рыночной экономики. М., 2008; *Институциональная экономика /* Под общ. ред. А. Олейника. М., 2005.

⁴⁸ Применительно к истории технических стандартов данный феномен объясняется т.н. теорией зависимости от предшествующего пути развития («Path Dependence»). См.: *Дэвид П.* Клио и экономическая теория QWERTY // *Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса.* М., 2007. С. 139–150; *Он же.* Зависимость от пути развития и исторические общественные науки: вводная лекция // Там же. С. 183–207; *Нуреев Р., Латов Ю.* Что такое зависимость от предшествующего развития и как ее изучают российские экономисты // Там же. С. 228–256.

прибыли⁴⁹. Как полагает известный американский социолог Л. Харрисон, указанные факторы «вытекают из общего мировоззрения и представления об обществе, из того, что социологи называют “когнитивной ориентацией” или “когнитивным представлением”. Эти представления формируются географическими и историческими факторами... Анализ этих четырех факторов поможет прояснить связь между ценностями и прогрессом»⁵⁰.

Уделяя серьезное внимание культуре как фактору исторических трансформаций, Л. Харрисон предпринимает попытку объяснить замедленное и субоптимальное развитие Испании до последней четверти XX века (неспособность создать стабильные институты демократического правления; авторитаризм; отсутствие эффективного гражданского контроля над военными; экономическая слаборазвитость; низкий уровень грамотности; низкая продолжительность жизни; крайне неравномерное распределение земли, дохода и богатства). Автор объясняет длительную приверженность испанского правительства политическому курсу, который не способствовал политическому плюрализму, экономическому росту и социальной справедливости, институционально-культурными особенностями испанцев, «действием мощных и упорных культурных традиций». Во-первых, это крайний испанский индивидуализм и низкое чувство общности, узкий радиус самоидентификации, ограниченный семейным кругом (*soberbia* – чрезмерная гордость с оттенками заносчивости, надменности и тщеславия, «сверхиндивидуализм», по выражению известного испанского филолога Ф. Диас-Плаха), которые блокировали развитие таких условий достижения экономического роста, как координация, предвидение и методичность, коллективная дисциплина, и, наоборот, исключали из жизни компромисс, стимулируя антиобщественное поведение, способствовали длительному сохранению авторитаризма. Во-вторых, это чрезвычайная эластичность традиционной иберо-католической морали, характерное для католицизма чередование греха и раскаяния, покаяния и отпущения одних грехов и совершения новых, снимавшее ответственность за собственные поступки. В-третьих, это жесткий авторитаризм, преобладавший в политике и управлении государством, подавлявший способность к творчеству и несогласию. Наконец, в-

⁴⁹ Харрисон Л. Кто процветает? Как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике. М., 2008. С. 19.

⁵⁰ Там же.

четвертых, это по существу отрицательное традиционное иберокатолическое отношение к труду, новшествам и прибыли (католический фатализм, жизнь настоящим; «презрение к физическому труду, бизнесу, технологическим знаниям и негуманитарному образованию»), что имело негативные последствия для предусмотрительности, бережливости и инвестиций⁵¹. По мнению одного эксперта, которое приводит Л. Харрисон, «в кастильском обществе богатство в целом воспринималось не как что-то, что человек создал или построил, т.е. заработал, но как нечто, что человек завоевал или чем он может наслаждаться потому, что обладает статусом воинственного победителя, дворянина»⁵².

Страновой уровень. Национально-страновой уровень модернизации наиболее разработан, поскольку именно страна выступала основной аналитической единицей в рамках классических модернизационных исследований начиная с 1960-х гг., в частности, в трудах, базировавшихся на компаративно-исторической методологии. Сравнительно-исторический подход, реализованный в работах представителей модернизационной перспективы (С. Блэк, Ш. Эйзенштадт, Д. Растоу, С.М. Липсет, Б. Мур, Р. Бендикс и др.), был ориентирован на выявление общих стадий или фаз модернизации; особых путей; комбинаций подобных «вертикальных» и «горизонтальных» категориальных классификаций. В итоге были достигнуты определенные успехи в выявлении страновых вариантов модернизации.

К числу наиболее интересных тем здесь по-прежнему относится вопрос о факторах дифференциации страновых ответов на вызовы модернити. Одна из последних концептуальных схем по данному вопросу принадлежит немецкому исследователю Д. Зенгхаасу, который, пытаясь объяснить все нынешнее разнообразие национальных вариантов развития европейского капитализма, выделяет четыре дифференцирующих фактора: 1) общий уровень социально-экономического развития, достигнутый страной к тому моменту, когда внешняя конкуренция начинает оказывать непосредственное влияние на внутренний рынок (т.е., насколько значительному разложению уже подверглись традиционные экономико-правовые структуры и продвинулась техническая модернизация в сельском хозяйстве, промышленности и

⁵¹ Там же. С. 64–70

⁵² Там же. С. 70.

в сфере торговли данной страны); 2) размеры внутреннего рынка (малые страны изначально подвергаются большей внешней конкуренции по сравнению с крупными, поскольку более значительная часть их ВВП участвует во внешнеторговом обороте); 3) время вступления страны в промышленную конкуренцию (чем позднее, тем более велик накопленный страной разрыв со странами-лидерами); 4) выбор экономической стратегии (широкий спектр вариантов адаптации к условиям внешней конкуренции включает как активное участие в международном разделении труда, открывающее возможность успешной модернизации, так и самоизоляцию, сопряженную в перспективе с малопродуктивным хозяйственным дирижизмом)⁵³.

Далее, следует помнить, что за анонимными структурами и «законами развития» стоят конкретные действия исторических персонажей, осознанные или неосознанные, массовые или уникальные, что в процессе модернизации всегда шла борьба между разными силами, одни из которых всегда (или временно) поддерживали новации и структурирование новых отношений, а другие постоянно (или, опять же, в определенные промежутки времени) отстаивали традиционные институты и ценности. При этом на каждой фазе модернизации, в каждый ее исторический момент происходило осмысление, сопровождавшееся переоценкой наследия, выбраковкой устаревшего, разработкой и усилением новационных элементов. Здесь можно сослаться на концепцию рефлексивного модерна, согласно которой процесс модернизации нельзя превращать в элементарный кумулятивный процесс, в рамках которого старое последовательно превращается в новое⁵⁴. Таким образом, модернизационный переход следует рассматривать как реальный исторический процесс, результирующий противоборство различных социальных и политических группировок, столкновение мнений и стратегий, полный драматизма, героических рывков вперед и катастрофических отступлений. Это одно из перспективных направлений изучения страновых моделей модернизации.

Региональный уровень. Менее освещенным по-прежнему остается субстрановой уровень модернизационных процессов. Между тем,

⁵³ См. в книге: Западноевропейские страны: Особенности социально-экономических моделей. М., 2002. С. 15–21; Социально-экономические модели в современном мире и путь России. М., 2005. Кн. 2: Социально-экономические модели (из мирового опыта). С. 311–318.

⁵⁴ Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000.

без исследования субстрановой динамики модернизации вряд ли возможно получение глубоких знаний о сути данного процесса. Необходимость исследования модернизации на региональном (субстрановом) уровне обусловлена значимостью пространственных измерений модернизации, территориальной неоднородностью модернизационных процессов, вариативностью «поведения» территориальных единиц в контексте модернизации (конвергенция и дивергенция; восходящая, нисходящая или циклическая динамика). Модернизационные процессы разворачивались в пространственно определенных условиях, которые определяли возможности и ограничения для модернизации, навязывали ей определенный пространственный формат. Страновая модель перехода от традиционности к современности, как и локально ограниченные деятельности, ее созидающие, несли отпечаток не только общей логики процесса модернизации (структурная дифференциация, рационализация, мобилизация и т.д.), но и места его протекания.

Отказ от трактовки модернизации как единого процесса системной трансформации распространяется и на территориальные (региональные и субрегиональные) общности, которые могут по-разному вести себя в общестрановом модернизационном контексте – выступать региональным фактором модернизации (например, Москва, Петербург, Урал в Российской империи XVIII столетия) или, напротив, тормозом, «якорем» отсталости, амортизирующим модернизационные импульсы, исходящие из центра или более продвинутых регионов (например, Юг в Италии или центральные и южные области в Испании XIX века). Естественно, складывающиеся в ходе модернизации пространственные конфигурации не остаются неизменными. Тот же Урал, бывший территориальным фактором ранней протоиндустриальной модернизации, в значительной степени растерял ко второй половине XIX века свой трансформационный потенциал, уступив лидерство в сфере металлургического производства более динамично развивавшемуся Югу (что не отрицает возможности начала в первых десятилетиях XX века новой масштабной модернизации уральской металлургической промышленности⁵⁵).

Локальный уровень. Необъятный простор для исследований представляет локальный уровень. Разнообразие ситуаций модернизации (локальные агенты модернизации или ее противники; реакции

⁵⁵ См.: *Алексеев В.В., Гаврилов Д.В.* Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. М., 2008. С. 447–502.

локальных сообществ на модернизационные процессы, включение в них или их отторжение, переживание, приспособление, избегание и т.д.) разрастается здесь до наивысших пределов. Самое главное – это самостоятельный уровень исследования, который невозможно заместить знаниями, добытыми, допустим, при изучении страновых или субстрановых модернизационных процессов. Естественно, адекватным инструментом изучения локальных проявлений модернизации может стать микроисторический инструментарий⁵⁶ с его ориентацией на детальный анализ реальной жизни и взаимоотношений множества людей, стремлением увидеть преломление общих процессов «в определенной точке реальной жизни», установкой на реконструкцию («расплетение») «всякой социальной констелляции» как «результата взаимодействия бесчисленных индивидуальных стратегий».

Попытаемся рассмотреть воздействие темпорального фактора на динамику модернизации, учитывая сложно-дифференцированную природу исторического времени. Совершенно очевидным оказывается тяготение над ходом модернизации своего рода «рока» прошлого времени. Естественно воздействие на динамику, темпы, да и сам характер модернизации цивилизационного, институционально-культурного наследия, что подтверждает институциональный подход, в частности теория «траекторной» зависимости.

Рассуждая о широком, массивном влиянии цивилизационного фундамента на динамику и характер развития страны в модернизационном контексте, следует особо коснуться вопроса о воздействии конкретных традиций (традиционных технологий, институтов, символов и ценностей) на ход модернизации. Вопрос этот уже получил серьезную разработку в исследованиях. Модернизация в различных странах действительно приобретает национальное своеобразие, потому что обычно опирается на специфические индигенные традиции.

⁵⁶ См.: *Петина Л.П.* Смена познавательных ориентаций и метаморфозы социальной истории // Социальная история. Ежегодник, 1989/99. М., 1999. С. 7–38; *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Микроистория и опыт социальных наук // Там же. С. 101–119; *Кром М.М.* Историческая антропология. СПб., 2004; Прошлое – крупным планом: Современные исследования по микроистории. СПб., 2003; *История и антропология: междисциплинарные исследования на рубеже XX–XXI веков.* СПб., 2006; *Гинзбург К.* Микроистория: две-три вещи, которые я о ней знаю // Современные методы преподавания новейшей истории. М., 1996. С. 207–234; *Левин Дж.* К вопросу о микроистории // Там же. С. 167–190.

Так, в России в ходе модернизации имперского периода заметную роль сыграло предпринимательство староверов, опиравшихся на традиционное вероучение, которое было адаптировано к меняющимся условиям. В.В. Керов предложил концепцию генезиса установок, обеспечивших зарождение и развитие мотивации старообрядцев на активное и успешное предпринимательство⁵⁷. Теоретические построения Керова базируются на тезисе, что начальный период модернизации, как правило, сопровождался духовно-религиозным обновлением. Действительно, сопряженность «старой веры» и предпринимательства в России XVIII – начала XX века очевидна. По мнению В.В. Керова, активное включение старообрядцев в хозяйственную практику было обусловлено конфессионально-этическими сдвигами, которые осуществились на основе развития положений православного богословия XVII века, реинтерпретации традиционных христианских текстов в новых социально-политических и социально-экономических условиях, следствием чего и стали новые конфессиональные ценности, религиозность особого типа, которая характеризовалась активностью вероисповедания, строгостью в соблюдении религиозно-этических норм, преданностью конфессиональным принципам, религиозным рационализмом, аскетизмом.

Начало мировоззренческой трансформации положил протопоп Аввакум, призвавший вместо пассивного ожидания Зверя, Антихриста, активно готовиться к наступлению Царствия Божьего, к спасе-

⁵⁷ Керов В.В. «Се человек и дело его ...»: Конфессионально-этические факторы старообрядческого предпринимательства в России. М., 2004; *Он же*. Конфессионально-этическая мотивация хозяйствования староверов в XVIII–XIX веках // Отечественная история. 2001. № 4. С. 18–40; *Он же*. «О Новый Израилло! Утолите, ушпире фабрикама и капиталама...»: взаимодействие старообрядческого предпринимательства и монастырей на благо веры в XVIII – первой половине XIX в. // Экономическая история России XVII–XX вв.: динамика и институционально-культурная среда: Сб. ст. памяти Л.В. Сапоговецкой. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. С. 239–248; *Он же*. Модернизационная практика старообрядчества и регионально-ориентированная модель модернизации России // Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение: материалы Всероссийской научной конференции, 2–3 июля 2009 г. / отв. ред. И.В. Побережников. Екатеринбург: ИИиА УрО РАН; БКИ, 2009. С. 75–84; *Он же*. «... Чтобы работали хорошую доброту»: стремление к высокому качеству продукции как элемент деловой культуры старообрядческого предпринимательства // Урал индустриальный: Бакунинские чтения: мат-лы IX Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 8–9 окт. 2009 г.: в 2 т. Екатеринбург, 2009. Т. 1. С. 27–33.

нию, что предполагало деятельное обеспечение спасения собственных бессмертных душ и, что важнее, Веры и Церкви, вне которой невозможно индивидуальное спасение. Но созданные на периферии страны старообрядческие общезиждивения (типа Выгорецкии в Поморье) в тяжелых природных условиях оказались на грани физического существования. Для спасения душ необходимо было создать достаточно эффективную хозяйственную основу в земном мире.

По мнению В.В. Керову, староверам это и удалось сделать благодаря трансформации трудовой этики, складыванию уже в начале XVIII в. духовной концепции «труда благого», признавшей душеспасительным физический, в том числе интенсивный труд; религиозному оправданию предпринимательства, в том числе «купецкого дела», ранее считавшегося источником стяжательства и обогащения; формированию в начале XIX в. новой духовной концепции Дела, согласно которой старовер-хозяин ощущал себя не столько частным собственником, работающим для возрастания богатства, сколько организатором, несущим ответственность перед Богом и обществом, исполняющим личный христианский подвиг. Новая духовно-этическая концепция, ориентировала на предпринимательство современного типа, способствовала складыванию новой деловой культуры, важнейшими компонентами которой стали личная честность и добросовестность, обязательный личный организаторский труд хозяина, личная ответственность за дело предпринимателя и его работников, стремление к укреплению и развитию предприятия, ответственность предпринимателя перед сообществом и обязательность использования части результатов деятельности для староверческой общины. Таким образом, мы можем видеть, как идеология прошлого, традиционное вероучение, встраивается в модерн, адаптируясь к его потребностям и придавая ему оттенок национального своеобразия.

Однако прошлое может оказывать влияние на будущее не только подобным способом. Оригинальная концепция предпринимательства, предложенная американским исследователем Э. Хагеном⁵⁸,

⁵⁸ *Hagen E.E.* How Economic Growth begins: A Theory of Social Change // Finkle J.L., Gable R.W. (eds.). *Political Development and Social Change*. N.Y., London, Sydney, 1966. P. 129–139; *idem.* *Structures sociales et croissances économiques*. P., 1970. Вторая работа указанного автора была основательно проанализирована Р. Будонем. См.: *Будон Р.* Место беспорядка. Критика теорий социального изменения. М., 1998. С. 100–111.

свидетельствует, что социальные трансформации прошлого, меняющие социальный статус человека, могут отозваться эхом через длительный интервал времени, вызывая к жизни вполне реальные социальные сдвиги модернизационного характера. Автор подверг критике теории, выдвинутые экономистами, за их неспособность объяснить ряд значимых модернизационных случаев, таких, например, как динамичное развитие Японии в XIX в. или Колумбии в начале XX в. Обе страны развивались без какой-либо посторонней помощи и до начала своего впечатляющего экономического роста относились к числу бедных стран. Оба случая, по мнению Э. Хагена, невозможно объяснить при помощи переменных экономического характера, на которые обыкновенно акцентировали свое внимание исследователи-экономисты. В обоих случаях экономическое развитие, утверждал Хаген, было обусловлено формированием прослойки предпринимателей, которая не возникает спонтанно, в момент появления спроса, как полагали авторы экономических теорий.

Хаген обратил внимание на непропорционально высокую долю среди предпринимателей Японии выходцев из класса самураев. Что же касается Колумбии, то в этой стране среди предпринимателей непропорционально высоким был удельный вес выходцев из провинции Антиокья, существенно превосходивших по численности выходцев из столичной провинции Кундинамарка, более значимой в политическом и культурном отношении. При этом автор отмечал одну существенную черту, свойственную и самураям, и жителям провинции Антиокья: тех и других можно было считать деклассированными элементами. Самураи, несшие прежде службу у своих сеньоров, были лишены своего статуса и возможности выполнять прежние функции и обречены на социальный статус деклассированных элементов в результате политики централизации, которую с начала XVII в. проводили могущественные правители Японии (сёгун) из династии Токугава принялись в ущерб власти крупных феодалов (распад самурайского сословия особенно ускорился с середины XVIII в.). Жители же провинции Антиокья, как и Боготы, были потомками испанских колонистов, прибывших в XVII в. на поиски золота и серебра в Новую Гренаду. Драгоценные металлы в тот период были обнаружены в провинции Антиокья – в районе Боготы их не нашли. Соответственно, жители Антиокьи стали старателями, а поселенцы, обосновавшиеся в Боготе, принялись за обработку земли.

Но уже с середины XVII века шахты, в которых добывались золото и серебро, начали постепенно утрачивать прежнюю рентабельность, вследствие чего жители Антиокки были обречены на процесс пролетаризации. Провинция Антиоккия превращалась, в глазах жителей соседней Боготы, в жалкие задворки страны.

Но именно из самураев в Японии в эпоху Мэйдзи стали формироваться деловые люди; аналогичным образом, когда в начале XX века Колумбия вступила на путь индустриализации, жители Антиокки стали превращаться в предпринимателей. Опираясь на проведенный анализ индустриального развития Японии, Колумбии и ряда других стран, Хаген пришел к выводу, что коллективное деклассирование выступает в качестве одной из причин становления динамичной прослойки предпринимателей, поскольку подобные люди были якобы одержимы идеей возвращения своего утраченного статуса.

Концепция Э. Хагена, который обращается к прошлому тех или иных социальных групп с целью объяснения их активного включения в процессы индустриального развития, противостоит прямолинейным подходам, сторонники которых склонны трактовать модернизацию как прямолинейный детерминистический процесс, включающий стандартный набор стадий.

Порой модернизационные процессы демонстрируют своего рода транстемпоральность, проявляясь в то время, когда им, вроде бы, уже не место и не время. Данный тезис можно проиллюстрировать примером из истории протоиндустриализации. Теория протоиндустриализации преимущественно применяется для объяснения процессов экономического развития в период до промышленной революции и начала современного экономического роста. Однако в действительности не исключается возможность для параллельного протоиндустриального развития в разных масштабах и в условиях полноценной индустриальной модернизации, поскольку ручной труд зачастую сохраняется с появлением фабричного производства.

При этом степень присутствия протоиндустриальных форм в рамках полноценной индустриализации следует учитывать при характеристике и типологии регионально-страновых вариантов модернизации. Так, по мнению М. Танимото, японскую индустриализацию после 1880-х годов и в первой половине XX века следует трактовать как «альтернативную историческую траекторию», поскольку она в значительной степени базировалась на развитии средне- и мелкомасштаб-

ного производства, использовавшего интенсивный семейный труд и организационную модель «путтин-аут-систем»⁵⁹. Интересно, что подобные гибкие формы весьма эффективного семейного предпринимательства широко распространены и в современных экономиках различных стран мира – например, Японии, Китая, Турции⁶⁰, Италии⁶¹ (семейный бизнес и кластерная организация промышленности – подобию японских «индустриальных округов» – стали основой экономического подъема с конца 1970-х годов Северо-Востока и Центра страны, получивших, благодаря профессору А. Баньяско, звучное наименование «Третья Италия»; за пределами страны эта модель известна также как «итальянская модель индустриализации», «диффузная индустриализация» или «модель Эмилии-Романьи»).

Далее, действенная роль темпорального измерения модернизации обусловлена также влиянием временного фактора (исторического момента) на сами механизмы модернизации, которые, возможно, не остаются неизменными, но трансформируются с течением времени и в зависимости от конкретных исторических ситуаций. Так, свою концепцию исторической трансформации движущих сил модернизации американский экономический историк А. Гершенкрон формулирует в связи с рассмотрением особенностей становления современного предпринимательства⁶². Он подвергает критике понятие предпосылок индустриализации, занимавшее существенное место во множестве концепций перехода от традиционного к современному обществу (так, согласно У. Росту, временам быстрого индустриального роста должны предшествовать более или менее длительные, от страны к стране, периоды, в течение которых создавались «предпосылки» современной индустриализации; некоторые экономические историки доказывали, что необходимыми предпосылками для последующей

⁵⁹ *Tanimoto M.* Labour Intensive Industries in Industrial Districts – Another phase of Japan's "Industrialization" // <http://eh.net/XIIICongress/cd/papers/25Masayuki247.pdf>; *Idem.* The Role of Tradition in Japan's Industrialization: A Perspective of "Indigenous Development" // <http://www.e.u-tokyo.ac.jp/cemano/research/DP/documents/coe-f-26.pdf>.

⁶⁰ *Utku B., Esra S.* Home-based Work in Istanbul: Varieties of Organization and Patriarchy // http://www.spf.boun.edu.tr/docs/HBW_in_Istanbul_Varieties_of_Organization_and_Patriarchy.pdf.

⁶¹ Социально-экономические модели в современном мире и путь России. М., 2005. Кн. 2: Социально-экономические модели (из мирового опыта). С. 497–500.

⁶² *Gershenkron A.* The Modernization of Entrepreneurship // *Modernization: The Dynamics of Growth.* New York, London: Basic Books Inc., 1966. P. 246–257.

индустриализации являются аграрные реформы, включая изменения в системе землевладения, отмену крепостничества, увеличение производительности сельского хозяйства; историки-марксисты настаивали на том, что предпосылкой для обеспечения индустриального рывка должно стать предварительное накопление капитала в течение весьма длительного исторического периода; обратной стороной концепции исторических предпосылок являлось утверждение о невозможности индустриализации в случае их отсутствия).

В действительности же, как утверждает Гершенкрон, индустриальный рост нередко осуществляется как раз в условиях отсутствия так называемых необходимых предпосылок, т.е. при незавершенных аграрных преобразованиях, при недостатке предындустриальных накоплений («первоначального накопления капитала», по терминологии советских историков). «И, рассуждая исторически, – пишет историк, – концепция необходимых предпосылок терпит крах, потому что экономическая жизнь содержит многие альтернативные решения, так что в тех странах, где так называемых необходимых предпосылок не было, для них были разработаны разного рода заменители в ходе самого индустриального развития»⁶³.

В связи с проблемой предпосылок индустриализации Гершенкрон продолжает обсуждение вопроса о модерном предпринимательстве, в частности, тезиса о становлении современного предпринимательства как о предпосылке модерного индустриального развития. Он признает, что исторический опыт ряда европейских стран вроде бы подтверждает данное положение, т.е. в отдельных случаях можно проследить корни (предпосылки) модерного предпринимательства в относительно далеком историческом прошлом (например, подобные корни можно обнаружить в опыте ремесленников в период позднего средневековья – ведь во многих случаях институциональный порядок ремесленных цехов содействовал распространению среди их членов духа мастерства, гордости за качество изделий, честности во взаимодействиях с партнерами, – т.е. всего того, что позднее стало характерными чертами индустриальному предпринимательству). Не отрицает американский историк и роли протестантизма в обеспечении установок честности и бережливости, пожизненной преданности делу, склонности к инновациям, столь важных для модерного пред-

⁶³ Ibid. P. 251.

принимательства, хотя и оставляет при этом открытым вопрос о причинности в подобных ситуациях – были ли обусловлены такие установки доктринами протестантизма или приверженностью преследуемому меньшинству.

Но при этом исследователь склонен трактовать деятельность предпринимателей скорее как неотъемлемую черту самого процесса индустриализации (и модернизации), нежели его предпосылку. «Предприниматели используют капитал и нанимают рабочую силу с целью производства промышленных товаров, – подчеркивает А. Гершенкрон, – но это и есть сама индустриализация; это как раз и есть сами условия любого разумного определения индустриализации»⁶⁴. Он отвергает тезис ряда концепций экономической модернизации, которые настаивают на том, что предпосылкой индустриализации является утверждение в обществе в качестве доминирующей системы ценностей, благоприятствующей предпринимательской деятельности, оправдывающей, одобряющей и стимулирующей ее. Историческая действительность нередко противоречит данному положению, поскольку зачастую предпринимателям приходилось действовать достаточно эффективно в условиях господства ценностной системы, скорее враждебной по отношению к таким действиям.

Кроме того, концепции, акцентирующие внимание на «социальном одобрении», по мнению Гершенкрона, игнорируют тот факт, что во многих стратифицированных и сложных обществах одобрение со стороны отдельных групп может соотноситься с неодобрением со стороны других. Гершенкрон полагает, что ключом для объяснения проблем индустриализации и предпринимательства может стать концепция «заместителей», суть которой заключается в том, что в ситуациях отсутствия тех или иных предпосылок для индустриального развития их роль переходила к «заместителям». По мнению исследователя, имела определенная зависимость между количеством и качеством «заместителей» и уровнем экономического развития страны: «чем более отсталой была страна накануне ее большого индустриального скачка, чем меньше было в ней элементов, которые могли бы быть трактоваться как предпосылки индустриализации, тем более широко и интенсивно использовались «заместители» таких предпосылок»; «в более развитых странах преиндустриальный период был более раз-

⁶⁴ Ibidem.

нообразным и красочным, в то время как их индустриальная эпоха представляется относительно стандартной. По контрасту, предындустриальный ландшафт относительно отсталых стран был довольно беден, в то время как история их индустриализации – намного более сложной и вариативной, поскольку она осуществлялась посредством использования заместителей различного типа»⁶⁵.

А. Гершенкрон делает попытку применить свою концепцию для объяснения индустриального развития Германии и России в XIX в. Дело в том, что обе страны страдали от недостатка т.н. предпосылок индустриализации. Что касается России, то к концу XIX в. в ней было немного способных предпринимателей, ограниченным был их временной горизонт, низкими – стандарты их коммерческой честности; отношение народных масс и интеллигенции к действиям предпринимателей отличалось подозрительностью. Подобные же отрицательные особенности были характерны и для Германии середины XIX в. (пусть в меньшей степени; в частности, честность в коммерческих сделках была довольно высока, вероятно, как следствие опыта ремесленных цехов прошлых столетий). То есть обе страны демонстрировали то, что можно назвать отсутствием или ограниченным присутствием предпосылок для современного предпринимательства. Согласно классическим теориям, в данных странах не могла осуществиться индустриализация. Тем не менее, во второй половине XIX в. Германия совершила впечатляющий индустриальный рывок, который поставил ее вровень с Англией, бывшей тогда «мастерской мира». Россия перед первой мировой войной отставала от Германии по абсолютным показателям, но ее индустриальное развитие в 1880-х – 1890-х гг. стало своеобразным историческим рекордом; нормы индустриального роста, достигнутые в те годы, далеко превосходили нормы роста, когда-либо до того демонстрируемые Германией. Как же такое могло случиться на фоне только что упомянутых препятствий, задается вопросом А. Гершенкрон. Его ответ один – обе страны сумели успешно развить «заместители» отсутствовавших в исторической реальности «предпосылок».

«Дефицит предпринимателей, – пишет А. Гершенкрон, – можно исправить или заместить путем увеличения масштабов производства, расширения масштабов предприятия сверх его оптимального разме-

⁶⁵ Ibid. P. 255.

ра. В Германии, некомпетентность индивидуальных предпринимателей была возмещена дифференциацией предпринимательской функции: немецкие инвестиционные банки – мощное изобретение, сопоставимое по своему экономическому эффекту с паровым двигателем – в своей инвестиционной деятельности оказались заместителями первоначального накопления, охотно предоставив капиталы в распоряжение предпринимателей. Банки, кроме того, выполняли функцию заместителей в силу недостаточности предпринимателей. Используя выгоды своего центрального положения, банки принимали активное участие в формировании главных – и иногда даже не самых главных – решений индивидуальных предприятий. Именно они очень часто намечали пути роста предприятий, разрабатывали перспективные планы развития, использовали технологические и организационные новшества, принимали меры по слиянию компаний и их расширению. До некоторой степени, хотя менее эффективно, подобные воздействия испытывали российские предприниматели со стороны имперской бюрократии – прежде всего, со стороны министерства финансов, которое также выполняло функцию замещения, подобно тому, как это делали немецкие банки, и в целом преследовало похожую политику индустриального роста. В России, конечно, количественный и качественный недостаток предпринимателей был также облегчен импортом из-за границы иностранного предпринимательского таланта, хотя степень его не должна преувеличиваться»⁶⁶.

Существенную роль в исторических ситуациях отсутствия или недостатка предпосылок индустриализации, по мнению А. Гершенкрона, принадлежала государству, которое, в частности, в условиях недостатка «социального одобрения» деятельности предпринимателей, доминирования в обществе неблагоприятных для них ценностей, использовало свой аппарат – власть судебной машины, полиции и армии – для того, чтобы защитить предпринимателей и их интересы от социальных сил, которые были враждебны по отношению к ним, не говоря уже о многих установленных законом условиях, которые преследовали ту же самую цель.

Подводя итоги, А. Гершенкрон подчеркивает, что элементарные обобщения неприемлемы при обсуждении процессов современной индустриализации, отличавшихся крайним разнообразием. Вариация дан-

⁶⁶ Ibid. P. 255–256.

ных процессов в зависимости от степени отсталости той или иной страны сказывалась и на характере предпринимательства. Индустриальное развитие было возможно даже в тех странах, в которых исторические предпосылки современного предпринимательства были представлены слабо или вообще отсутствовали, так как человеческая изобретательность сумела открыть множество способов их замещения. Гершенкрон отмечает, что для становления современного предпринимательства более важным, чем всякие исторические предпосылки, был собственно процесс индустриализации, поскольку в его контексте статус предпринимателей быстро поднимался, а они сами обрели столь необходимый опыт предпринимательской деятельности.

В контексте модернизации форма, динамика, характер самих процессов оказываются зависимыми от временного фактора, что наглядно иллюстрируют исследования, посвященные демократизации. Демократизация является одним из важнейших subprocessов модернизации, что обуславливает пристальное внимание сторонников модернизационной парадигмы к данной теме. При этом в контексте модернизационного подхода получили распространение структурные модели демократизации, которые опираются на анализ структурных причин, акцентируют зависимость между некоторыми экономическими и социокультурными факторами и вероятностью установления и сохранения демократических режимов в разных странах. На этом фоне представляет интерес изучение демократизации выдающимся представителем современной исторической макросоциологии, противником априорных схем Ч. Тилли. По его определению, демократизация означает общие сдвиги «в сторону более широкого по охвату, более равноправного по сути, более защищенного и более обязательного к исполнению согласования по поводу назначений на политические посты и принятия государственных решений»; соответственно, дедемократизация – «это движение к более узким, менее равным, менее защищенным и менее взаимообязывающим процедурам обсуждения»⁶⁷. Обращаясь к теме демократизации, Тилли пытается установить связь между такими параметрами, как историческое время, уровень демократии, потенциал государства, коллективные действия.

Рассмотрим, как работает теоретический подход Тилли при изучении исторических процессов. Обращаясь к анализу демократизации

⁶⁷ Тилли Ч. Демократия. М., 2007. С. 29.

во Франции на протяжении XVII–XX вв., автор выделяет несколько значительных периодов демократизации (1789–1793, 1815–1848, 1870–1940, 1944–), а также де-демократизации (1651–1789, 1793–1814, 1851–1870, 1939–1943). Вообще, согласно его концепции, в изучаемый период, если воспользоваться терминами «потенциал государства/демократия», Франция проделала очень сложное по траектории движение: в начале XVII в. она была в самой низшей точке демократии и потенциала государства, так как вышла с большими потерями из грандиозных религиозных войн XVI века. К середине XVII в. воинственные короли несколько восстановили потенциал государства, но в период Фронды 1648–1653 гг. страна вновь попадает в анархическую зону низкого потенциала государства и минимальной демократии. Затем, при Людовике XIV, начинается восстановление контроля над регионами страны; потенциал государства растет вплоть до революции 1789 года, при этом идет отступление от всего того, что хоть как-то могло напоминать демократию (региональные правители и анклавы теряли независимость). В 1789 г. во Франции начался эксперимент с демократическими формами, но вскоре усилия революционеров по борьбе с внутренними и внешними врагами вновь привели к укреплению потенциала государства за счет демократии. Затем, с конца наполеоновских войн до конца Второй мировой войны страна постоянно меняла курс, переживая всплески то демократизации, то де-демократизации; причем на каждом этапе потенциал государства возрастал. В послевоенный период во Франции было создано, наконец, демократическое государство с высоким потенциалом, которое до сих пор существенно не изменило траектории развития⁶⁸.

Французский опыт демократизации, по мнению Тилли, опровергает представление «о демократизации как постепенном, продуманном и необратимом процессе, как о готовом наборе политических изобретений, которые народ просто применяет там и тогда, где и когда он к этому готов», и демонстрирует, напротив, что «необходима борьба и толчок как для построения демократии, так и для отхода от нее»⁶⁹. Это очень интересно, поскольку тот же С. Хантингтон, полагавшийся на свою структурную модель, настаивал на последовательности, постепенности, неконфликтности, как условиях нормального, эффективного, устойчивого демократического процесса.

⁶⁸ Там же. С. 51–54.

⁶⁹ Там же. С. 51.

Еще одно важное измерение в исследовании демократизации Ч. Тилли, это определение влияния на процессы демократизации коллективных действий. Для идентификации активности населения Тилли вводит понятие «революционной ситуации», под которой понимаются все случаи, «когда какая-нибудь вооруженная группа, при поддержке достаточно большого числа граждан, устанавливала контроль над значительной территорией и/или имела в своих руках значительные сегменты государственного аппарата в течение месяца или больше»⁷⁰. Оказалось, что «революционные ситуации», сопровождавшиеся «значительной фрагментацией государственного контроля над населением, ресурсами и территорией», периодически складывались на всем протяжении изучаемого периода во Франции, что дает основание сделать вывод, что «демократизация во Франции была результатом революционной борьбы»⁷¹.

Какие выводы для модернизационного подхода можно вынести из рассмотрения модели демократизации, предложенной Ч. Тилли? Эта модель подкупает своим историзмом и динамичностью за счет включения темпорального измерения, что выгодно отличает ее от статичных структурных моделей. Своим исследованием Ч. Тилли в очередной раз доказывает, что необходимо учитывать историческое время, в котором оказываются структуры или процессы, поскольку время привносит различия в их характер.

Ч. Тилли не забывает, что исторический процесс создается действиями людей; поэтому включение в качестве еще одного измерения коллективных действий («революционных ситуаций») многое проясняет: оказывается, что демократизация – не автоматический процесс, регулируемый анонимными законами, а постоянная борьба, в которой участвуют разные социально-политические группы, интересы, проекты, манифесты.

В модели вместо заранее предписанного направления движения утверждается открытость, альтернативность и многонаправленность исторической динамики. Исторический процесс в модельном развертывании оказывается нелинейным, постоянно меняющим направление, что соответствует сложной исторической действительности.

Невозможно утверждать, что все это абсолютно внове для последователей модернизационной перспективы, которая сама не является

⁷⁰ Там же. С. 54–55.

⁷¹ Там же. С. 56.

однородной: неомодернизационный анализ давно открыт всем методологическим новациям социальных и гуманитарных наук последнего времени (в частности, усвоены историзм, акционизм, альтернативность), но при этом порой исследователи ссылаются и опираются на устаревшие модернизационные подходы классического периода.

Завершая, необходимо признать глубокое и многостороннее воздействие временного фактора на ход, темпы, характер модернизационных процессов. Данное воздействие включает опосредованное временем влияние предшествующих структур и действий на будущее, трансформацию со временем самих механизмов модернизации, а также воздействие на формы, структуры, протяженности тех или иных процессов и явлений. Исследование доказывает, что необходимо учитывать историческое время, в котором оказываются структуры или процессы, поскольку время привносит различия в их характер.

Российская имперская модернизация – фронтирный вариант

Применительно к российской истории установление взаимосвязи между модернизационными процессами и цивилизационной динамикой заслуживает особого внимания. Дело в том, что пограничное месторасположение страны в целом между различными цивилизационными мирами оказывало и продолжает оказывать существенное влияние на ее исторические судьбы и цивилизационную специфику, существенно усложняя последнюю.

Споры по поводу цивилизационного статуса страны не стихают. Ответы на этот вопрос можно свести к следующим позициям: часть (филиал) западной цивилизации; цивилизация восточного типа; своего рода мост, «фильтр» между Западом и Востоком, гибрид восточной и западной цивилизации; уникальная цивилизация, отличная от Европы и от Азии, от Запада и от Востока (Евразия); последовательность субцивилизаций в рамках единого цивилизационного феномена; не самостоятельная цивилизация, а своеобразный ансамбль цивилизаций и этнокультурных анклавов, неоднородное, сегментарное общество (недоцивилизация)⁷². Действительно, целый ряд фактов (наличие опреде-

⁷² *Ерасов Б.С.* Цивилизации: Универсалии и самобытность. М., 2002. С. 419–461; *Кантор В.К.* «...Есть европейская держава». Россия: трудный путь к цивилизации. Историко-философские очерки. М., 1997; *Он же.* Русский европеец как явление культуры. М., 2001; *Он же.* Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. М., 2008; *Панарин А.С.* Православная цивилизация в глобальном мире. М., 2002; *Семенникова Л.И.* Кон-

ленной целостности, мощной способности к регенерации после «смут» и расколов, тенденции к цивилизационной экспансии), все же, свидетельствует в пользу признания цивилизационной самостоятельности и социокультурной целостности России. Специфика последней в структурном плане может быть адекватно описана при помощи концепта «пограничной» цивилизации (считается, что подобная цивилизация характеризуется относительной молодостью, социокультурной гетерогенностью, симбиотичностью, наличием двух или нескольких культурно-ценностных «ядер», возможно, антиномичностью и социокультурными дивергенциями). Российская цивилизация складывалась на протяжении столетий, расширяя свою территорию во всех направлениях. В таких условиях цивилизационная пограничность обуславливалась не только естественной социокультурной многоядерностью цивилизационной матрицы, но и наличием фронтирных зон, где имели место этноцивилизационные контакты. Зонами цивилизационного пограничья в рамках российской цивилизации длительное время являлись южные, северные и восточные регионы страны – юг и север европейской России, Кавказ и Закавказье, Поволжье, Урал, Сибирь, Дальний Восток, Казахстан и Средняя Азия.

цент цивилизации в современной историографической ситуации в России // История России: Теоретические проблемы. М.: Наука, 2002. Вып. 1. С. 28–45; *Кобицаев Ю.М.* Место исламской цивилизации в этноконфессиональной структуре Северной Евразии-России // *Общественные науки и современность*. 1996. № 2. С. 91–99; *Ионов И.Н.* Российская цивилизация и ее парадоксы // *История России: Теоретические проблемы*. С. 139–150; *Он же.* Парадоксы российской цивилизации (По следам одной научной дискуссии) // *Общественные науки и современность*. 1999. № 5. С. 115–116; *Ахиезер А.С.* Россия: критика исторического опыта. В 2 т. Новосибирск, 1997–1998; *Ильин В.В., Ахиезер А.С.* Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М., 2000; *Кондаков И.В.* Введение в историю русской культуры. М., 1997; *Флиер А.* Цивилизация и субцивилизация в России // *Общественные науки и современность*. 1993. № 6. С. 70–83; *Цивилизация. Восхождение и слом: Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса*. М., 2003; *Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое*. М., 2007; *Шатовалов В.Ф.* Истоки и смысл российской цивилизации. М., 2003; *Яковенко И.Г.* Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. Новосибирск, 1999; *Проскуракова Н.А.* Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // *Вопросы истории*. 2005. № 7. С. 153–165; *Стрелецкий В.Н.* Этнокультурные предпосылки регионализации России // *Географические процессы и проблемы*. М., 2001. С. 10–11; *Суворов Д.В.* Смена субцивилизаций и модернизационные волны в культурно-историческом развитии России / Автореф. дисс. ... канд. культурологии. Екатеринбург, 2006.

Колоссальное пространство России, разнообразие ее природно-климатических условий, богатство полезными ископаемыми имели неоднозначные последствия для исторической динамики страны в целом и отдельных ее сфер. Пространственный фактор оказывал существенное воздействие на внутренний строй страны, ее территориальную морфологию. Исторически получилось так, что по меньшей мере на протяжении XVIII – начала XX в. российская модернизация осуществлялась в условиях продолжавшегося расширения территории страны, присоединения новых земель и их освоения. Данная особенность странового развития не была уникальной, характерной только для России, она проявлялась также в истории многих, в первую очередь, «больших» стран, в частности, таких как США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, страны Латинской Америки, Китай.

Модернизацию в условиях незавершенного освоения можно квалифицировать как фронтирную. Как известно, концепция фронта, сформулированная в начале 1890-х гг. американским исследователем Фр. Дж. Тёрнером для объяснения истории США XIX в., стала удобным познавательным инструментом для изучения стран, в прошлом которых существенную роль играла колонизация, континентальная экспансия, имелись «свободные земли», были свои «запад» и «восток». Последователи концепции Тёрнера расширили понимание фронта, показав односторонность тёрнеровского представления о пограничных условиях как ключевом факторе формирования страновых особенностей и обратив внимание на несомненную значимость для истории общества традиций, «ввезенных» из метрополии, характера и степени интенсивности взаимоотношений «ядра» и «границы», «запада» и «востока»⁷³. Классическую известность приобрел анализ

⁷³ Тёрнер Ф. Дж. Фронтир в американской истории. М., 2009; Саймонс А. М. Социальные силы в американской истории. М., 1925; Кук Р. Граница и метрополия: опыт Канады. М., 1970 (XIII Международный конгресс исторических наук, М., 16–23 августа 1970 г.); Куинер Г. Постоянство «идей границь» в американской мысли // Новый взгляд на историю США: Американский ежегодник, 1992. М., 1993. С. 136–151; Шейд У. Дж. Не только граница: значение Фредерика Джексона Тернера для исследования ранней республики // Американский ежегодник, 2002. М., 2004. С. 9–32; Ефимов А. В. «Свободные земли» Америки и историческая концепция Ф. Д. Тернера // Из истории общественных движений и международных отношений / Сб. памяти в память акад. Е. В. Тарле. М., 1957. С. 548–560; Бахоев-тинов Н. Н. США: проблемы истории и современная историография. М., 1980; Lattimore O. Inner Asian Frontiers: Chinese and Russian Margins of Expansion //

нобелевским лауреатом экономистом Д. Нортотм глубоких различий в историческом опыте США и Латинской Америки, обусловленных, по его мнению, следованием разным институциональным традициям, различными институциональными преемственностями (англосаксонской и иберо-христианской, соответственно)⁷⁴.

Попытаемся концептуализировать фронтирную модернизацию применительно к истории России. Следует начать с того, что условия присоединения и освоения оказывали воздействие на дальнейший ход модернизации⁷⁵. Для нас важно подчеркнуть то, что исторически формировавшиеся в первичном русско-православном ядре и в зонах фронтиров освоения регионы в итоге различались административно-управленческими, хозяйственными, социально-сословными, этнокультурными ландшафтами, что создавало предпосылки для вариации степени их проницаемости для импульсов модернизации.

Фронтирная динамика обладала своей логикой: обычно после присоединения новой территории происходила «фронтиризация» – формирование пограничных зон, наделенных особыми признаками; затем пограничные территории постепенно утрачивали «фронтирные»

Studies in Frontier History. Collected Papers. Paris, 1962. P. 138–152; *Bappem T.* Линии неопределенности: Северокавказский «фронтир» России // Американская русистика: веки историографии последних лет. Императорский период. Антология. Самара, 2000. С. 166–177; *Кантелер А.* Южный и восточный фронтир России в XVI–XVIII веках // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 47–64; *Рибер А.* Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004. С. 108–119; *Агеев А.Д.* Сибирь и американский Запад: движение фронтиров. М., 2005; *Резун Д.Я., Ламин В.А., Мамсик Т.С., Шиловский М.В.* Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2001; Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в 17–20 вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2002; Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в 17–20 вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2003. Вып. 3; *Резун Д.Я.* Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2005; *Резун Д.Я., Шиловский М.В.* Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005.

⁷⁴ *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М., 1997. С. 145–150; Он же. Институты и экономический рост: историческое введение // *THESIS*. 1993. Т. 1, № 2. С. 69–91.

⁷⁵ *Кантелер А.* Формирование Российской империи в XV – начале XVIII века: наследство Руси, Византии и Орды // Российская империя в сравнительной перспективе: Сб. ст. / Под ред. А.И. Миллера. М., 2004. С. 98–108.

свойства, интегрируясь в общестрановое пространство; происходила «дефронтризация». Однако данный процесс не следует представлять упрощенно, поскольку вследствие фронтальной многослойности (географический фронт между различными природно-климатическими зонами, социальный фронт между различными жизненными укладами, милитарный фронт между враждебными сообществами, социокультурно-конфессиональный фронт между разными ценностными и культурными традициями⁷⁶) эрозия фронтальных признаков протекала с разными скоростями в различных измерениях.

Для России как страны фронтальной модернизации был характерен освоенческий синдром, что выразилось в подвижности населения; дифференциации пространства страны на центр (ядро) и периферию, различавшиеся по демографическим, социальным, экономическим, административным, культурным признакам; в наличии доступных пограничных областей, богатых ресурсами и служивших клапаном для разрядки социальных проблем более плотно заселенных регионов; в возможности для лиц и групп, считавших себя незаслуженно обиженными, не сумевших обеспечить себе удовлетворительных условий существования, мечтавших культивировать нетрадиционные представления, переселиться в пограничные области; в потребности в дополнительной рабочей силе, необходимой для разработки избыточных ресурсов; в проблеме адаптации и ассимиляции, возникавшей вследствие притока мигрантов на периферийные территории; в растянутости по времени колонизационных процессов (заселение, аграрное, промышленное освоение); в экстенсивном характере аграрной экономики; в региональных, этнокультурных контрастах и диспропорциях, в различной степени заселенности и освоенности территорий; в социально-сословной и этноконфессиональной мозаике и т.п.

Хорошо известно, что присоединение новых территорий продолжалось и в XIX в. (Кавказ и Закавказье, Средняя Азия, Дальний Восток). Наличие больших массивов слабозаселенных территорий создавало предпосылки для дальнейшего переселения, миграций, разрядки демографического давления в густонаселенных районах. Еще В.О. Ключевский заметил: «История России есть история страны, которая колонизируется. <...> Так переселение, колонизация стра-

⁷⁶ Камелер А. Южный и восточный фронт России // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 48.

ны была основным фактом нашей истории, с которым в близкой или отдаленной связи стояли все другие ее факты»⁷⁷. Колонизация тормозила переход от экстенсивных к интенсивным методам освоения пространства, закрепляла низкотехнологичные уклады в центре страны, транслировала их на периферию, ослабляя таким образом целый ряд модернизационных по своей природе процессов, таких как урбанизация, индустриализация и т.д.

Расширение территории, с одной стороны, увеличивало ресурсы для хозяйственного развития, способствовало складыванию обширного внутреннего рынка, но при этом, с другой стороны, объективно создавало предпосылки и возможности для ориентации на самодостаточное, автаркическое развитие. В терминологии Ф. Броделя, Россия представляла собой мир-экономику – самодовлеющую структуру, которая «затрагивает лишь часть Вселенной, экономически самостоятельный кусок планеты, способный в основном быть самодостаточным, такой, которому его внутренние связи и обмены придают определенное органическое единство»⁷⁸. Поскольку Россия представляла собой мир-экономику со своим собственным институциональным порядком, взаимодействия с другими мирами-экономиками были чреваты для нее значительными транзакционными издержками, которых она, естественно, стремилась избежать.

Необходимо также учитывать, что доминирующий восточный вектор российской колонизации со временем увеличивал удаленность страны от моря, что в плане торговли способствовало росту транспортных издержек при перевозке товаров и делало более дорогостоящей интеграцию страны в международное разделение труда⁷⁹. В то же время огромные пространства затрудняли создание транспортной инфраструктуры для обеспечения налаженной и скорой связи потребителей с производителями, для нормального функционирования рынка. Недооценивать это обстоятельство в контексте модернизационных процессов не следует, так как транспортный фактор имел ре-

⁷⁷ Ключевский В.О. Сочинения: В 9-ти т. М., 1987. Т. I: Курс русской истории. Ч. 1. С. 50–51.

⁷⁸ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. М., 1992. Т. 3: Время мира. С. 14.

⁷⁹ См.: Нольте Г.-Г. Западная и Восточная Европа перед лицом глобализации // Экономическая теория на пороге XXI века – 7: Глобальная экономика. М., 2003. С. 593.

шающее значение для становления современного индустриального общества. Поскольку организация рыночной инфраструктуры в определенном смысле есть покорение пространства, постольку для России, в силу ее территориально-климатических условий, данный процесс был в значительной степени заторможен.

Очевидно, что в контексте фронтальной модернизации транспортному фактору принадлежит повышенная роль. Хорошо известно, какое значение для индустриализации и интеграции стран имело железнодорожное строительство в США и Канаде в XIX в. В России железные дороги также содействовали ускорению развития окраинных регионов, стимулировали рост в них промышленности, городов. Благодаря созданию общеуральской железнодорожной сети был образован рынок промышленного сырья и топлива, получили развитие внутрирегиональные экономические связи, был дан импульс регионализации социально-экономических и социокультурных процессов в крае. Единственная в России к началу XX в. трансконтинентальная железная дорога, Транссиб, соединившая Сибирь с европейской частью страны, сразу же способствовала ликвидации былой обособленности региона, интенсификации хозяйственного освоения восточных районов, стимулировала миграцию и переход сельского хозяйства к рынку. Строительство Транссибирской магистрали явилось крупнейшим событием промышленной революции в Сибири: относительно дешевая и надежная доставка оборудования облегчила обеспечение новейшими механизмами, паровыми и электрическими двигателями сибирской промышленности. Вообще, последовательность индустриализации в Сибири и в Европейской России существенно отличалась: если в последней модернизация последовательно охватывала легкую, затем тяжелую промышленность, транспорт и т.д., то в Сибири промышленный переворот, как считают специалисты, начинался именно с транспорта, с водного транспорта, а затем – с железной дороги, которые создавали условия индустриализации прочих промышленных секторов⁸⁰.

⁸⁰ *Гаврилов Д.В.* Горнозаводский Урал XVII–XX вв.: Избранные труды. Екатеринбург, 2005; *Букин С.С., Исаев В.И., Тимошенко А.И.* Сибирь в модернизационной стратегии России (конец XIX – начало XX в.) // Экономическая история Сибири XX века. Барнаул, 2006. Ч. 1. С. 66–73; *Супонницкая И.М.* Опыт освоения земель: Сибирь и Запад // Российско-американские отношения в прошлом и настоящем: Образы, мифы, реальность / Материалы международной конферен-

Необходимо при этом учитывать, что значительная часть вновь присоединенных территорий, особенно на востоке, отличалась суровыми природно-климатическими условиями (холодный, засушливый континентальный климат), малоблагоприятные для ведения сельского хозяйства, сезонного и находившегося в сильной зависимости от климатических колебаний, что не могло не сказываться негативным образом на общей динамике экономических и социальных отношений. Так, по мнению Л.В. Милова, следствием низкого естественного плодородия почвы и недостатка в силу климатических условий рабочего времени являлись невысокий уровень производительности труда и агротехнической культуры, что повлекло учреждение крепостнического режима как механизма распределения и перераспределения небольшого по объему прибавочного продукта, укрепление государства – гаранта крепостнической системы, а также длительное сохранение общинных форм жизнедеятельности среди крестьян, обеспечивавших солидарное поведение последних в хозяйственной, социокультурной и прочих сферах⁸¹. Впрочем, недостаточно благоприятные природно-климатические условия могут стимулировать и интенсификацию труда, создавая, таким образом, предпосылки для социального и экономического прогресса. В литературе уже обращалось внимание на отсутствие жесткой зависимости между природно-климатическими условиями и уровнем социально-экономического развития, что ярко иллюстрируется хозяйственным и социальным прогрессом, достигаемым в неблагоприятной географической среде, и, наоборот, стагнацией или регрессом в экологических нишах, вроде бы запрограммированных на противоположный результат⁸².

Земли, которые присоединялись или относительно недавно присоединенные территории, к которым, в частности, можно отнести восточные регионы России – Урал и Сибирь, продолжали осваиваться в эпоху модернизации, когда страна в целом проходила прито-

ции, посвященной 200-летию установления дипломатических отношений между Россией и США, РГГУ (Москва), 21–22 февраля 2007 г. М., 2007. С. 134–143; *Она же*. Равенство и свобода. Россия и США: сравнение систем. М., 2010; *Тимошенко А.И.* Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концепции и решения. Исторические очерки. Новосибирск, 2007.

⁸¹ *Миров Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998; *Павленко Н.И.* Петр Великий. М., 1994. С. 39–41.

⁸² *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 1. С. 53–65.

раннеиндустриальную стадии модернизации. Так, только с середины XVIII в. началось мощное земледельческое освоение Южного Урала (Оренбуржье). Большие массивы свободной земли были распаханы в Башкирии, Предуралье и Зауралье во второй половине XIX – начале XX века. Аграрное освоение региона создавало базу для обеспечения местной промышленности собственным хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами. Что касается Сибири, то в XVIII–XIX вв. продолжался процесс присоединения и закрепления территорий на юге региона, а также на Дальнем Востоке; продолжалась нарастающими темпами аграрная колонизация⁸³.

Кроме того, интенсивное развитие на Урале, а затем и на юге Западной Сибири, на Алтае, получила промышленная колонизация, развернувшаяся в первой половине XVIII века. Уральский историк В.Г. Железкин выделяет следующие характерные черты ранней индустриализации колонизационного типа на Урале: 1) в качестве организационной формы промышленности крупная металлургическая мануфактура с цеховым и внутрицеховым разделением труда, которая возникала без промежуточных стадий и вытесняла мелкотоварное производство не конкурентоспособностью, а с помощью запретительных мер (указ сибирского губернатора 1717 года, закон об «огнедействующих» заведениях); 2) многопрофильное хозяйство, базирующееся на латифундиальной земельной собственности, а не завод как таковой, в качестве основной отраслевой единицы; следствие этого – основная отрасль – не металлургия, а горнозаводское дело, которое объединяет целый ряд производств (в традиционной, а не колонизационной модели развития промышленности, они обычно функционируют как отдельные отрасли: добыча руды, углежжение, металлургия, металлообработка, транспорт, промышленное строительство и т.д.); 3) принудительная мобилизация рабочей силы путем прикрепления различных социально-сословных групп и категорий населения к заводам, в т.ч. с переселением их из других районов; 4) доминирующая роль государства в регулировании промышленного развития, компенсирующая недостаточное развитие внутреннего рынка; покровительственная политика государства переходит в административное вмешательство в дела промышленности, государство выступает в

⁸³ *Шиловский М.В.* Геополитическая значимость Азиатской России для России в XVII – начале XX в. // *Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития.* Екатеринбург, 2008. С. 648–653.

роли крупнейшего заводовладельца; рынок преимущественно регулирует лишь размер денежной прибыли от продажи металла⁸⁴. Вероятно, эти характеристики с определенными поправками можно экстраполировать и на Сибирь.

Еще одно важное следствие продолжающегося фронта – это необходимость обеспечить условия для мирного стабильного развития в ситуации «пограничья» и наличия порой враждебного «соседства». Со времен раннего средневековья больших усилий требовало противостояние «степной» угрозе. По мере расширения территории страны возрастала потребность в обороне преимущественно открытых границ, в организации контроля над обширными пространствами. Находясь во враждебном окружении, страна постоянно вынуждена была доказывать свое право на существование, на суверенитет. В связи с этим политические процессы обгоняли экономические – достаточно сильное централизованное государство, необходимое в условиях низкой плотности населения, особенно на окраинах, и небольшого по объему прибавочного продукта для обеспечения обороны от внешней агрессии, независимости, сложилось относительно рано, не имея адекватной экономической основы. Раннее формирование достаточно эффективного традиционалистского государства, накопившего длительный опыт централизованного управления в противостоянии внешним угрозам, имело серьезные последствия для динамики и характера начавшейся позднее модернизации. Именно традиционалистские правительства обыкновенно инициировали программы ограниченной или защитной модернизации, разрабатывавшиеся в значительной степени для консервации традиционного общества и защиты его от более интенсивных и радикальных изменений.

Раннее складывание сильного государства обусловило высокую степень централизации государственной администрации, в том числе институтов, отвечавших за разработку и проведение хозяйственной политики. Догоняющая природа российской модернизации, ее мобилизационный характер лишь усиливали роль централизованного государственного аппарата, осуществлявшего контроль за трудовыми отношениями, проведение политики таможенного протекционизма, занимавшегося созданием корпораций и ряда монополий⁸⁵. Неиз-

⁸⁴ Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века. М., 2000. С. 147–148.

⁸⁵ См.: Роуни Д. Методологические аспекты изучения истории России. (Зависимость от пути развития и плановая политика в СССР) // Материалы научных

менное доминирование политических целей над хозяйственно-экономическими как следствие специфического пути развития, обусловленного в конечном счете географическими факторами, сохраняло силу в контексте российских модернизаций.

Что касается «фронтирных» территорий, то их характерным признаком являлась заметная милитаризация, проявлявшаяся в размещении фортификационных сооружений, регулярных воинских частей, поселенных иррегулярных формирований (Яицкое (Уральское), Оренбургское казачество, Башкиро-мещерякское войско на Урале; Сибирское, Семиреченское, Забайкальское, Амурское, Уссурийское казачьи войсковые организации – в Сибири и на Дальнем Востоке)⁸⁶, установлении особых военизированных форм администрации (военный губернатор, генерал-губернатор, наместник).

Колонизационная специфика накладывала сильнейший отпечаток на развитие административно-территориальной системы на востоке страны, в частности, учреждение специальных центральных органов управления с региональной компетенцией. Так, первоначально, в 1580–1590-е годы, Сибирь была подчинена Посольскому приказу, затем перешла в ведомство приказа Казанского дворца, наконец, с 1637 г. была подчинена Сибирскому приказу⁸⁷. Центральные учреждения местного управления вводились для отдельных окраин России и в более поздний период («местные органы верховного управления», по определению известного историка государственного права В.В. Ивановского⁸⁸) существования министерской

чтений памяти академика И.Д. Ковальченко. М.: Изд-во «Мосгорархив», 1997. С. 224–229.

⁸⁶ История казачества Азиатской России. Екатеринбург, 1995. Т. 1: XVI – первая половина XIX века; Т. 2: Вторая половина XIX – начало XX века; *Огурцов А.Ю.* Военно-инженерная политика русского правительства в Западной Сибири в XVIII в. / Автореф. дисс. ... к.и.н. Свердловск, 1990; *Пузанов В.Д.* Военные факторы русской колонизации Западной Сибири. Конец XVI–XVII вв. СПб., 2010; *Пережогин А.А.* Военизированная система управления Кольваново-Воскресенского (Алтайского) горного округа (1747–1871 гг.). Барнаул, 2005.

⁸⁷ *Вершинин Е.В.* Воеводское управление в Сибири (XVII век). Екатеринбург, 1998; *Копылов А.Н.* Органы центрального и воеводского управления Сибири в конце XVI–XVII в. // Известия СО АН СССР. 1965. № 9. Сер. обществ. наук. Вып. 3. С. 80–88; *Власть в Сибири. XVI – начало XX века.* Межархивный справочник. Новосибирск, 2002. С. 8–16, 121–124, 131–134.

⁸⁸ *Ивановский В.В.* Русское государственное право. Т. 1. Ч. 2: Местные установления. Казань, 1898. С. 7.

системы. Их значение, по мнению В.В. Ивановского, состояло в том, что «носитель верховной власти подчиняет управление в таких местностях своему непосредственному регулированию». В условиях министерской системы, межведомственной разобщенности территориальные комитеты в определенной степени повышали скоординированность действий ведомств и эффективность региональной политики центрального правительства. К числу подобных учреждений относились, в частности, Кавказский и Сибирские комитеты, Комитет Западных губерний, Комитет по делам Царства Польского. Так, специфика Сибири подчеркивалась регулярным созданием и воссозданием центральных органов регионального управления типа Комитета по делам сибирского края, I и II Сибирских комитетов, Комитета Сибирской железной дороги (их прообразом был Сибирский приказ), в компетенцию которых входила разработка важнейших законодательных и административных актов, определявших магистральные линии сибирской политики правительства, координация деятельности различных ведомств.

С начала XVIII века административно-территориальное устройство осуществлялось в контексте проведения политики модернизации, предусматривавшей в перспективе рационализацию и унификацию системы управления, замену в конечном счете исходного многообразия и специфики административных форм внутренне усложненной моновариантной моделью, предполагавшей рост централизации и бюрократизации управления, постепенное совершенствование системы административно-территориального деления, эволюционное утверждение бюрократической системы местного управления, усиление иерархических связей в управлении, сокращение дистанции между государственной властью и населением, внедрение разделения управленческого труда на местном уровне, становление государственной службы, вытеснение административного обычая законодательными актами в нормативном регулировании процессов административного устройства. Однако недостаточно глубокая интегрированность большинства территорий на востоке России вносила существенные коррективы в общий курс административного благоустройства. Управленческие структуры Востока России длительное время сохраняли черты особенности, отличности от соответствующих структур центральных регионов России. Причем эта особенность возрастала по мере движения на восток.

При этом административное освоение порой опережало хозяйственное и социокультурное. Основные принципы и этапы административной интеграции восточных регионов в единое имперское пространство, своеобразного «административного фронта», были довольно точно сформулированы, как отмечал историк А.В. Ремнев, в отчете восточно-сибирского генерал-губернатора Д.Г. Анучина за 1879 год: первоначально на вновь присоединенных территориях вводится сильная и в значительной степени автономная военно-административная система управления в виде генерал-губернаторства или наместничества, сохраняются традиционные институты власти для аборигенного населения, создаются лишь самые необходимые государственные учреждения на местах, прежде всего полицейские и фискальные; со временем, по мере упрочения связей «окраины» с «ближайшими частями государства, когда тяготение к русскому центру укрепилось вполне и местные условия сглаживались и приближались к общим русским, правительство решалось ввести такую область в общую систему управления и непосредственно подчинить ее центральным правительственным установлениям»⁸⁹. С этой точки зрения, резюмирует А.В. Ремнев, существовавшее административное устройство Сибири рассматривалось как «переходная форма».

Маркером фронтальной модернизации выступает разновекторная диффузия. Освоение предполагает интенсивную контактность, складывание в регионе многоэтничного по составу населения. В результате миграционных процессов носители разнообразных этнокультур оказывались в новых географических и климатических условиях, вступали в контакты с представителями иных культур и менталитетов. Процесс освоения новых пространств требовал максимального разнообразия культурных навыков и резюмировался формированием различных хозяйственно-культурных типов. Нередко новые природно-климатические условия оказывались контрастно несхожими с условиями мест выхода, порой экстремальными для переселенцев. Шанс выжить в подобных ситуациях прямо зависел от потенциальных возможностей культуры мигрантов-колонистов адаптироваться к новым условиям. Этот процесс мог быть облегчен этнокультурным взаимодействием и заимствованиями из культур

⁸⁹ Цит. по: *Ремнев А.В.* Самодержавие и Сибирь в конце XIX – начале XX века: проблемы регионального управления // *Отечественная история.* 1994. № 2. С. 63.

автохтонных народов, уже приспособившихся к специфической среде обитания. С другой стороны, контакт местного населения с пришлым создавал и для первого предпосылку для совершенствования собственной культуры. На все эти процессы диффузионного характера модернизация накладывала трансфер технологий, социальных институтов, культурных ценностей западного, преимущественно – западноевропейского, происхождения⁹⁰.

Естественным следствием пограничности периферийных регионов, продолжения на их территории освоенческих процессов, межэтнической миксации, интерференции диффузий традиционного и современного типов становилась конгломератность, то есть длительное сосуществование и устойчивое воспроизводство пластов разнородных моделиобразующих элементов и основанных на них отношений (согласно концепции А.Д. Богатурова и А.В. Виноградова, данные пласты образуют внутри общества анклав, эффективная организованность которых дает им возможность выживать в рамках обрамляющего общества-конгломерата)⁹¹.

Когда модернизация исторически запаздывала, проводилась вынужденно, она могла усиливать фрагментарность общества, способствовать не нивелировке (социокультурной, региональной, хозяйственной – естественный модернизационный процесс), но, напротив, росту социальной асимметрии. Асимметрия могла нарастать и в рамках субстранных регионов. Так, экономическая модернизация на Урале на протяжении XVIII–XIX вв. привела к возникновению горнозаводского сектора промышленности, занявшего со временем ведущие позиции не только в региональной промышленности, но в экономике страны. Горнозаводской сектор по мере своего развития превратился в важнейший фактор экономической модернизации Урала, но при этом в ходе модернизации существенно усилилась конгломератность Урала. Дело в том, что протоиндустриальная модернизация XVIII в. сопровождалась интенсивной диффузией западноевропейского опыта –

⁹⁰ Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). М., 2007; Диффузия технологий, социальных институтов и культурных ценностей на Урале (XVIII – начало XX в.). Екатеринбург: УрО РАН, 2011; Курлаев Е.А, Корепанов Н.С., Побережников И.В. Техничко-технологические инновации в горно-металлургическом производстве Урала в XVII–XVIII вв. Екатеринбург: Банк культурной информации, 2011.

⁹¹ Богатуров А.Д., Виноградов А.В. Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории // Восток-Запад-Россия. М., 2002. С. 109–128.

технологического и организационного, включая переселение на Урал приглашаемых для работы иноземных специалистов⁹². Очаговый характер модернизации резюмировался созданием промышленных анклавов, окруженных сохранявшейся традиционной аграрной периферией⁹³. Даже в конце XIX в. хотя уральская горная промышленность и захватывала Пермскую, Уфимскую, Оренбургскую и отчасти Вятскую и Вологодскую губернии, но в наибольшей степени она была развита в Пермской губернии (составлявшей центр «горнозаводства» на Урале), в меньшей – в Уфимской и Оренбургской.

В еще большей степени неравномерность и очаговость были характерны для модернизации зауральской части России. Так, экономическая модернизация в Сибири в течение XVIII – начала XX в. вела к возникновению современных или протомодерных экономических форм, имевших анклавную локализацию (преимущественно в Тобольской и Томской губерниях на рубеже XIX–XX вв. или вдоль транссибирского транспортного коридора)⁹⁴, к пространственной дифференциации Азиатской России на узкие относительно современные зоны и периферийные территории, которые лишь в слабой степени испытывали импульсы общестрановой модернизации (к ним, в частности, можно отнести обширные тундровые и таежные северные округа, занимавшие 4/5 территории Сибири)⁹⁵. То же можно сказать о результатах социокультурной или административной модернизации.

Более того, анклавность составляла суть самой модернизации, поскольку в ее процессе широко применялись традиционные институты и социальные технологии – в частности, внеэкономическое принуждение для мобилизации трудовых ресурсов и феодальные приви-

⁹² *Алексеева Е.В.* Роль экзогенных факторов в формировании индустриальных цивилизаций // *Цивилизационное своеобразие российских модернизаций: региональное измерение: материалы Всероссийской научной конференции, 2–3 июля 2009 г.* Екатеринбург, 2009. С. 46–54.

⁹³ *Голикова С.В., Миненко Н.А., Побережников И.В.* Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия (XVIII – первая половина XIX века). М., 2000.

⁹⁴ *Бужин С.С., Исаев В.И., Тимошенко А.И.* Сибирь в модернизационной стратегии России (конец XIX – начало XX в.) // *Экономическая история Сибири XX века.* Барнаул, 2006. Ч. 1. С. 66–73; *Сибирь в составе Российской империи.* М., 1997; *Тимошенко А.И.* Проекты социально-экономического развития Сибири в XX в.: концепции и решения. Исторические очерки. Новосибирск, 2007.

⁹⁵ К подобным периферийным территориям внутри самой Сибири можно, например, отнести тундровые и лесотундровые районы Тобольского Севера.

легии и монополии для обеспечения экономической элиты необходимыми производственными ресурсами. Так, успехи уральской, алтайской, нерчинской горнодобывающей и металлургической промышленности на протоиндустриальной стадии развития во многом достигались за счет привлечения принудительного труда мастеровых и работных людей в основном производстве и приписных крестьян на вспомогательных работах⁹⁶. Рыночные отношения отвоевывали свои экономические и социальные ниши еще до буржуазных реформ середины XIX в., но, с другой стороны, последние не привели к моментальному и повсеместному внедрению в экономику рыночных механизмов хозяйствования. Элементы внеэкономического принуждения длительное время сохранялись после отмены крепостного права.

Пространственное измерение значимо для России, огромной страны, которая всегда характеризовалась очевидным региональным разнообразием, многоуровневостью развития составляющих ее территорий. Помимо субстрановых регионов-моторов модернизации всегда существовали ее периферийные зоны. К числу последних, в частности, относился Север Сибири. Экономика северных областей Сибири, как, впрочем, и экономика северных регионов Северной Америки (в частности, канадских) на протяжении фактически XVII–XIX вв. носила ярко выраженный «фронтирный» характер. Север Западной Сибири был первым зауральским регионом, с которым познакомились славяне. Именно здесь были проложены первые пути в Сибирь. Северо-Западная Сибирь длительное время служила каналом проникновения русских вглубь сибирских просторов, на Енисей и Лену⁹⁷. При этом освоение северных территорий Западной Сибири имело свою существенную специфику, которая обуславливалась огромной площадью, крайне суровыми природно-климатическими условиями, малонаселенностью, малочисленностью населения по сравнению с более южными районами. В конце XV – XVII в. произошло присоединение Северо-Западной Сибири и народов, ее насе-

⁹⁶ *Адамов В.В.* Об оригинальном строе и некоторых особенностях развития горнозаводской промышленности Урала // Вопросы истории капиталистической России. Проблема многоукладности. Свердловск, 1972. С. 225–256.

⁹⁷ *Побережников И.В.* Пространственные модели русского освоения Северо-Западной Сибири (XII – начало XX в.) // Новгородская Земля – Урал – Западная Сибирь в историко-культурном и духовном наследии. В 2-х частях. Екатеринбург: БКИ, 2009. (Проблемы истории России. Вып. 8.) Ч. 2. С. 299–317.

лявших, к Российскому государству. Основными фигурами русского освоения выступали, наряду с администрацией и военно-служилым элементом, торговцы и промысловики. В XVIII столетии к процессам освоения начинает активно подключаться церковь. Параллельно с политическим присоединением, а то и обгоняя его, получили развитие процессы хозяйственного и социокультурного освоения.

Северо-Западная Сибирь представляла собой периферию Российской империи в XIX – начале XX в. Тем не менее, регион испытывал импульсы модернизации, которая период разворачивалась в этот период в общероссийском масштабе. Проявлениями модернизации стали: 1) рационализация административно-территориального устройства, восходящая еще к началу XVIII века, но при этом длительная консервация локальных отличий, в значительной мере обусловленная сохранением традиционных структур низового управления⁹⁸; 2) интенсификация хозяйственно-экономической интеграции края в рыночную макроструктуру страны (складывание в регионе многоукладного комплекса хозяйственных связей пришлого и коренного населения; деформация традиционного хозяйства аборигенов под влиянием пришлого населения и его торгово-промышленного капитала; проникновение товарно-денежных отношений в туземную среду, ведущее к коммутации ясака, развитию среди части коренных жителей, включенных в сферу русского влияния, рыболовства, товарного рыболовства); 3) рост интереса к окраинам как к источникам ресурсов для растущей экономики страны и заметная активизация имевших практический характер географических исследований на Обском Севере; 4) активизация миссионерско-просветительской деятельности на севере Западной Сибири (христианизация коренных народов края отличалась поверхностным характером и неравномерностью, но она сопровождалась распространением просвещения, трансформацией норм обычного права, появлением новых тем и образов в искусстве туземного населения; более глубоким было русское влияние в сфере материальной культуры местных народов – происходили изменения в жилище, летней одежде, системе пи-

⁹⁸ Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (Из истории национально-государственного строительства. 1822–1941 гг.) / Сборник документов. Тюмень, 1994; Сословно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX века): Сборник правовых актов и документов. Тюмень, 1999.

тания, внедрялись покупные вещи вместо традиционных, трансформациям подвергались производственные технологии)⁹⁹.

При этом освоение данных территорий осуществлялось крайне медленными темпами. Если в более южных районах Сибири стадия промыслового освоения уже с начала XVII в. была дополнена аграрно-земледельческой колонизацией, а в XVIII в. – промышленной, то в Северо-Западной Сибири торгово-промысловая колонизация затянулась до первых десятилетий XX в. Большинство населения Северо-Западной Сибири в начале XX в. жило еще в условиях традиционности, а проблемы освоения явно превалировали над проблемами модернизации. Тем не менее, в XIX – начале XX века освоение процессы приобрели более комплексный и динамичный характер, что способствовало ускорению интеграции региона в общестрановое пространство¹⁰⁰. В качестве гипотезы можно высказать мысль, что на Севере «эхо» общероссийской модернизации пока еще лишь стимулировало ускорение процессов освоения региона.

Процесс освоения Дальнего Востока имел ряд особенностей. Тихоокеанская территория была присоединена и освоена позже, чем Сибирь. Закрепление за Россией левобережья Амура, Приморья и Сахалина относится лишь в середине и второй половине XIX в. Динамика русского освоения тихоокеанских берегов была обусловлена действием ряда факторов: крайняя отдаленность региона от центра, сложная геополитическая ситуация, международная конкуренция, пограничные конфликты с Цинской империей, длительная неурегулированность вопросов границы¹⁰¹. В этой связи особенно велика была в процессе освоения Дальнего Востока роль государства, серьезный акцент делался на повышение обороноспособности региона. Под эгидой государства начиная с Первой и Второй Камчатских экспедиций проводились академические исследования территории Дальнего Востока, направленные на разведку естественных богатств,

⁹⁹ Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1975; Ямал – знакомый и неизвестный. Тюмень: ИПОС СО РАН, 1995; История Ямала. Екатеринбург, 2010. Т. 1: Ямал традиционный. Кн. 2. Российская колонизация.

¹⁰⁰ Побережников И.В. Север Западной Сибири в контексте российской модернизации XIX – начала XX века // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2013. № 3 (23). С. 44–52.

¹⁰¹ Киреев А.А. Специфика дальневосточной границы России: теория и история // Ойкумена. 2009. № 2. С. 73–75.

открытие, освоение и закрепление за Россией новых земель в этой части Тихого океана, создание условий для заселения края, расширения земледелия, торговли и промыслов.

Для освоения и закрепления тихоокеанских владений России нужны были поддерживаемые правительством мощные купеческие компании с монопольными правами и значительным капиталом, которые поддерживались бы правительством. В 1799 г. указом Павла I была учреждена Российско-Американская компания, в дальнейшем активно содействовавшая укреплению российских позиций на Дальнем Востоке, а также освоению Аляски и Курильских островов¹⁰².

Лишь во второй половине XIX в., после стабилизации границы на Дальнем Востоке, активизировалось освоение территорий Приамурья и Уссурийского края, где были поселены казаки и привлекались переселенцы-крестьяне. Колонизация по-прежнему в значительной мере мотивировалась стратегическими соображениями. Специалисты отмечают связь переселенческой политики в Приамурье с внешнеполитической обстановкой (так, бюджетные ассигнования на переселения конца 1850-х и начала 1880-х гг. были связаны в первом случае со второй опиумной войной и существенной военной угрозой Приамурью от англичан и французов, во втором случае – с военной опасностью со стороны Китая на рубеже 1870–1880-х гг. в связи со спором на центрально-азиатском участке русско-китайской границы)¹⁰³.

В 1850-е гг. были основаны важнейшие торговые и административные центры на Дальнем Востоке: Николаевск, Благовещенск, Хабаровск, Владивосток, что стимулировало развитие промышленности и сельского хозяйства в крае. В 1890-е гг. построен Уссурийский участок Транссибирской магистрали, в 1897–1903 гг. – Китайско-Восточная железная дорога, что в совокупности с мерами по заселению и основанию городов способствовало закреплению дальневосточной окраины за Россией, а также ее социально-демографическому, хозяйственному и социокультурному развитию. При этом именно государство играло ключевую роль в колонизации Дальнего Востока, регули-

¹⁰² *Галлямова Л.И.* Дальний Восток в контексте государственной политики России на Тихом океане // *Россия и АТР.* 2012. № 4. С. 29–34.

¹⁰³ *Илларионов А.А., Барбенко Я.А., Харчевникова Е.С.* Принципы реализации колонизационной политики правительства в Приморской области рубежа XIX–XX вв.: управление развитием транспорта, промышленности и переселения // *Ойкумена.* 2009. № 3. С. 117.

руя приток переселенцев на Тихоокеанскую окраину в ходе «столыпинской» аграрной реформы, выступая главным субъектом строительства Транссибирской магистрали, КВЖД и Амурской железной дороги¹⁰⁴. Правда, в процессе сооружения Транссибирской магистрали и её дальневосточных звеньев на службу государственным интересам привлекалось и частное предпринимательство, подрядчики казны, которые выполняли большую часть работ на низовом уровне, а также доставляли на стройку необходимые материалы¹⁰⁵.

Таким образом, к характеристикам фронтальной модернизации в России XVIII – начала XX в. можно отнести сохранявшее свою значимость освоение в разнообразных проявлениях, особую роль военно-административного элемента, гетерогенность в социальном, экономическом, культурном отношениях. Фронтальная модернизация в целом способствовала еще большему усложнению развития России, подчеркиванию ее цивилизационно-культурного своеобразия. Ключевыми факторами складывания социокультурного ландшафта страны становились колонизация новых земель, миграции народов, их смешение и чересполосное расселение, образование гибридных этнокультурных групп и синкретических мировоззренческих комплексов. В формирование политико-культурной «палитры» страны вносили свой вклад различные региональные этноконфессиональные, социокультурные группы, каждая из которых обладала своим своеобразным, порой уникальным, историческим опытом, своими приверженностями и предрассудками. При этом характер и динамика модернизации существенно различались во фронтальных обществах периферии Российской империи. Вариативность была обусловлена размерами регионов, разницей во времени их присоединения, составом населения, геополитическим положением и уровнем безопасности, ресурсным обеспечением, временем начала модернизации, ролью государства и рынка как механизмов развития, природно-климатическими условиями территорий.

¹⁰⁴ *Галлямова Л.И.* Дальний Восток в контексте государственной политики... С. 34–36; *Бурилова В.С.* История формирования территориально-промышленных структур Приморского края в середине XIX – начале XX в. Владивосток: Дальнаука, 2003.

¹⁰⁵ *Илларионов А.А., Барбенко Я.А., Харчевникова Е.С.* Принципы реализации колонизационной политики... С. 115.